

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

ОБЩАГА- НА-КРОВИ

Роман о том,
что все
в конечном
счете делятся
на отличников
и нелегалов

Новая редакция

18+

Алексей Иванов
Общага-на-Крови

«АСТ»

1993

Иванов А. В.

Общага-на-Крови / А. В. Иванов — «АСТ», 1993

ISBN 978-5-17-080383-5

Герои романа Алексея Иванова «Общага-на-Крови» – умники и максималисты, и они умеют находить причины, разрешающие совершать такие поступки, которые совершать не хочется и не следует. Волею обстоятельств из обычного общежития выселяют компанию из пяти студентов, и молодые люди переходят на «нелегальное положение». Чтобы выжить в общегае, им приходится жертвовать очень многим. Но до каких пределов дозволено доходить, не предавая себя и друзей?

ISBN 978-5-17-080383-5

© Иванов А. В., 1993

© АСТ, 1993

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Иванов

Общага-на-Крови

© Иванов А.В.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Они квасили всю ночь, день спали, а вечером сели опохмеляться. Естественно, пивом. Их было человек десять – парни и девушки, все из общаги. Пиво принесли в автомобильной канистре и наливали в чайник, а уж из чайника, по потребности, разливали в стаканы.

Пиво легко проваливалось из горла в желудок и дальше, в мочевой пузырь. Время от времени кто-нибудь вставал и под развесёлые комментарии остающихся отправлялся в туалет. В своём блоке туалет почему-то постоянно был занят, и приходилось бегать через коридор в блок напротив.

– Нет повести печальнее на свете, чем повесть о закрытом туалете, – сказал самый остроумный после того, как в первый раз не попал в искомое место.

Когда он не смог пробиться туда же во второй раз, он уже не упражнялся в остроумии, а с досадой выключил свет.

Когда он вышел в третий раз, то обнаружил, что свет по-прежнему не горит, а туалет по-прежнему заперт изнутри.

– Эй, ты спишь, что ли? – постучав, осторожно спросил он.

Ему не ответили. Он ещё постучал. Всё равно не ответили.

– Я дверь вышибу, – предупредил он.

В туалете хранили молчание.

Тогда он саданул в хлипкую дверь плечом и с первого же раза вывернул хлипкий шпингалет. Дверь отскочила сантиметров на двадцать и уткнулась во что-то мягкое. В темноте ничего не было видно. Взломщик, не отводя взгляда от тёмной полости, протянул руку, нашарил выключатель и щёлкнул.

Он увидел изгиб унитаза, блестящую алую лужу в его чаше и багровые разводы на полу. На фаянсе безвольно лежала тонкая, очень бледная рука. На её сгибе ещё шевелилась живая кровь.

Взломщик осторожно прикрыл дверь, зачем-то погасил свет и прошёл в свою комнату.

– Так, – хрипло сказал он развесёлой компании. – Все сматываемся. Мужики, прячьте бутылки. Вовка, звони в скорую. В сортире – самоубийца.

Часть первая

Так в их дверь не стучал никто, кроме Лёли. Она словно заранее извинялась, и тихий стук растворялся в воздухе. Но Отличник услышал его и окончательно проснулся.

Он лежал и глядел на комнату, полную прохладного запаха улицы. Ночью Ванька, как всегда, расхлебывал окно, и тёмный ветер вымыл стены, вещи, тряпки, стёр с поверхности обычный их вкус – хорошо настоящего сигаретного дыма, старого пепла, пыльной материи, бумаги, кофе и чая. Теперь они были свежи и накрахмалены ночной зябкостью. В воздухе, где таял стук Лёли, не было никакого движения. Комната уже слилась с миром за стенами общаги и была словно брусок уличной чистоты, задвинутый в затхлый массив здания, как ящик. Солнечный свет, словно порезавшись, яростно пылал в гранях стаканов на столе, на грязном лезвии ножа, на ручках ложек.

Лёля снова робко постучалась. От этого звука воздух вздрогнул, в окне мелькнула птица, а посреди комнаты из пустоты возникли светящиеся пылинки. За дверью послышались шорох, вздох, шаги, и Отличник уже подумал, что Лёля отказалась от своего намерения, как раздался уверенный голос Нелли:

– Не открывают?

– Спят, – тихо, таинственно ответила Лёля.

– Интересно, чем они ночью занимались? – И Нелли без стука решительно распахнула дверь.

Тотчас, будто нажали кнопку, включился уличный шум – невнятные голоса, щебет воробьёв, шарканье шагов, подвывание и шелест далёкого троллейбуса. Обе шторы на окне, от солнечного света ветхие, кинулись вперёд как по сигналу, развернулись и выпукло надулись парусами. Ком холодного воздуха прокатился по комнате, забурлив в пепельнице тревожно выскочившим пеплом. Створка окна, блеснув, как выстрел в висок, стремительно захлопнулась. Шторы, словно расстрелянные, моментально обвисли. Пепел на столе из последних сил прополз немного и застрял на полпути среди окурков, похожих на падшую мелкую скотину.

Нелли вошла в комнату и твёрдо остановилась посередине. Лёля, сделав страшные глаза, спряталась у неё за спиной. Отличник рассматривал их сквозь туман ресниц. Нелли была одета для института, а Лёля – в халате, который ей был велик и вечно сваливался у неё то с одного плеча, то с другого, как спящий кавалерист с лошади.

– Вы что, сдохли, что ли, уроды? – свирепо предположила Нелли. – Подъём!

С кровати Игоря донёсся печальный стон.

– Доброе утро, красавицы, – сонно сказал Игорь.

– Опять всю ночь по бабам таскался? – напрямую спросила у него Нелли.

– Господь с тобой, радость моя, – сладко произнёс Игорь, прикрывая глаза от солнца ладонью. – Учебники, учебники...

– Знаем мы твои учебники, – грозно и туманно заявила Нелли. – Лучше бы не сочинял, старый пёс, а сигарет дал.

– А в буфете их приобрести невозможно?

– Ты такой жадный, Игорёк!.. – с ужасом ахнула Лёля.

– Вон лежат, на стуле, – не меняя позы, указал Игорь.

Нелли взяла со стула открытую коробку, посмотрела и сказала:

– Подлец! Тут пусто!

– Как пусто? – удивился Игорь. – На момент моего погружения в сон там содержалось не менее пяти штук.

– Их, наверное, Ванечка выкурил, – предположила Лёля.

– Я Ивана, видимо, вскоре ударю бутылкой по голове, – задумчиво произнёс Игорь. – Посмотри тогда, радость моя, в моей тумбочке, внизу.

– Больно мне охота в твоих грязных подштанниках рыться.

– В таком случае не смотри, – спокойно согласился Игорь.

Нелли присела и открыла дверцу его тумбочки. Фыркая и шипя, она побренчала дезодорантами Игоря и сообщила:

– Подлец! Тут их тоже нет!

– Так, – глубокомысленно подвёл итог Игорь. – Тогда, радость моя, посмотри в кармане у Ивана. Больше сигаретам деться некуда.

Ванька спал одетым поверх одеяла лицом к стене. Нелли, скорчив гримасу отвращения, подошла к нему и запустила руку в карман его джинсов.

– Не спутай карман с ширинкой, – предостерёг Игорь.

– Всю жизнь не путала и вдруг спутаю... – проворчала Нелли.

– Только без рук, гады... – во сне пробормотал Ванька.

Когда Нелли, добыв сигареты, с презрением удалилась, Лёля крадучись направилась к Ваньке. Встав на цыпочки, она осторожно заглянула ему в лицо и ласково погладила по плечу.

– Ва-нечка, – тихо позвала она. – Ва-ня... Просыпайся.

– Хрен вам, – буркнул Ванька.

Лёля печально вздохнула и посмотрела на Игоря.

– Игорёк, а ты спишь? – шёпотом спросила она.

– К сожалению, ещё нет, – официально ответил Игорь.

– Пойдём к нам чай пить.

– Знаешь, радость моя, я бы лучше отдал предпочтение сну.

Лёля опять вздохнула и отправилась к Отличнику. Она присела на край его койки, положила руки ему на грудь и, наклонившись, потянулась к нему губами. Они мелко поцеловались несколько раз. Отличнику было приятно чувствовать мягкие Лёлины губы.

– Приходи, Отличничек, к нам чай пить, – прошептала Лёля.

– А ты мне купишь коржик с зубчиками?

– А ты обещаешь, что придёшь, тогда куплю.

– Обещаю.

– Дай честное-пречестное, самое верное слово.

– Лопни моя прорва, – смеясь, поклялся Отличник.

Отличник постучался и вошёл в комнату номер двести двенадцать. Лёля сидела у стола и, обернув ладонь полотенцем, разливала по стаканам заварку из маленького, пузатого чайника, похожего на игрушечного слона. Нелли с ногами забралась на подоконник и курила – она любила курить, сидя на подоконнике. В окне за её плечом Отличник увидел угол стены общаги, сложенный из жёлтого, как вечность, кирпича. Угол уходил по резкой вертикали вверх и вниз, за урезы окна. На каждом кирпиче солнечный свет играл как мелкая вода на голышах переката. Вдалеке, за дорогой, за троллейбусной остановкой, за больничным парком, за мостом, растворяясь в утренней майской лучезарности, плавали призрачные розовые многоэтажки заречного района.

– Садись на Нелечкин стул, – пригласила Отличника Лёля.

Золотой дым сигареты смешивался с майским золотом солнца, и Нелли выглядела как светило во время затмения – тёмный силуэт, испускающий сияние.

– Какая ты красивая, Нелли, – усаживаясь, сказал Отличник.

– Кто тебе это сказал? – не сразу спросила Нелли.

– Никто. Я сам вижу.

– Ты не можешь этого понимать, потому что ты юн и, следовательно, глуп, – безапелляционно заявила Нелли.

– Опять ты, Нелечка, обижаешь Отличника, – укорила её Лёля. – Я тебе, Отличничек, купила коржиков, какие ты просил...

– Спасибо, Лёля, – сказал Отличник, взял коржик и стал сгрызать с него зубчики.

– Я не обижаю его, – возразила Нелли, пуская дым. – Я приучаю его трезво глядеть на мир и избавляться от инфантильных иллюзий.

– При чём тут инфантильные иллюзии? – улыбнулся Отличник.

– Ты в этом ничего не можешь понимать, потому что ты маленький мальчишка. Сознайся, кто тебя подучил так сказать.

– Не слушай её, Отличничек, – посоветовала Лёля, расставляя стаканы двумя пальцами. – Она бешеная.

– Сам я это понял и сказал просто так! – не унялся Отличник.

Нелли подумала и напрямик спросила:

– И чего тебе от меня надо?

– Ничего, – пожал плечами Отличник.

– Значит, ты в чём-то провинился, – убеждённо изрекла Нелли.

Она спустила ноги, прыгнула на пол и ловко швырнула окурок в форточку. Одёрнув юбку, она деловито уселась Отличнику на колени и по-хозяйски обняла Отличника за шею.

– Я тоже так хочу, – завистливо сказала Лёля.

– Тебе нельзя, Лёлёк, потому что ты старая и толстая.

– Ты сама, Нелечка, старая и толстая, – обиженно сказала Лёля и стала дуть в стакан. – Даже старше и толще, чем я.

Нелли провела ладонью по лбу Отличника, взбив ему волосы, и задумчиво посмотрела ему в глаза.

– Отличник, – велела она, – скажи честно: ты меня любишь?

– Конечно, люблю, – серьёзно ответил Отличник.

– А как я могу узнать, правда ли это?

– Поверить, – подумав, сказал Отличник.

– Нет... – недоверчиво сказала Нелли. – Таких уже не бывает.

– Он же есть, – улыбнувшись, возразила Лёля.

– А кого ты больше любишь, меня или Лёлёк?

– Это глупый вопрос, Нея.

– Давай поженимся, а? – внезапно предложила Нелли.

– Мы и так всегда будем вместе, – уверенно возразил Отличник.

– Нет. Всего-то через год и я, и эта корова, и Симаков с Каминским получим дипломы и разведемся, а ты будешь учиться здесь ещё три года.

– Но вы будете ездить в гости ко мне, а я – к вам.

– Чепуха. Мы все забудем друг друга. А так я буду тебя любить и дальше.

– А как же Игорь, Нелечка? – ехидно спросила Лёля.

– С ним я буду изменять Отличнику.

– Может, Нелечка, тогда лучше выйти замуж за Игоря и изменять ему с Отличником?

– Нет, – поразмыслив, не согласилась Нелли. – Отличник на такое не пойдёт.

– Нея, ты бы сменила тему, – предложил Отличник.

Нелли закрыла ему рот ладонью.

– Отличник! – официально заявила она. – Заткнись и слушай. Я – женщина, которая старше и умнее тебя во много раз. Я буду учить тебя жить, чтобы ты не погиб. А ты будешь делать всё, как я скажу.

– Нам, Нелечка, нельзя учить Отличника, – возразила Лёля. – Мы развращённые, а он чистый.

– Ну... Лёля... – весь поджался и скривился Отличник.

Нелли захохотала, схватила Отличника за щёки и поцеловала.

– Скажи, Отличник, – весело предложила она, – ты что, и вправду веришь, что мы хорошие?

– Дура ты, Караванова! – яростно стирая помаду, сказал красный Отличник. – Убирайся давай с моих колен!..

– Ну чего в нас хорошего? – допытывалась Нелли.

– Отстань!

– Я знаю: ты понимаешь, что каждому из нас кажется, будто в нём есть что-то хорошее и важное для всех. Но неужели ты веришь, что так на самом деле?

– Знаешь, как ты мне надоела? – с досадой сказал Отличник. – Шла бы поскорей на свою консультацию, а то опять выгонят за опоздание.

– А может, и вправду есть?.. – робко предположила Лёля.

– Просто он один в это верит, вот ты в него и влюбилась.

– Ну какая же ты противная, Нелечка!.. – сконфузилась Лёля.

– Тс-с-с!.. Тихо! – вдруг шёпотом закричал Отличник. – Тихо вы!.. Кажется, Ботва пришла!

Все разом замолчали. В блоке кто-то стучал в чью-то дверь. Лёля потихоньку приоткрыла свою дверь и глянула в щёлку.

– Ботова к вам... – оглянувшись, прошептала она Отличнику.

Ольга Васильевна Ботова была комендантом общежития. Кличка у неё была Ботва. Маленькая, толстая, дряблая, с близко поставленными глазами, неизменно одетая в синий тренировочный костюм, она и вправду чем-то напоминала ботву – завядшую, бесформенной кучей выброшенную за ненужностью.

Уверенным шагом она вошла в блок и забарабанила в дверь двести четырнадцатой комнаты, где жили Отличник, Игорь и Ванька.

В блоке было четыре комнаты, объединённые узким п-образным коридорчиком. Здесь находились умывалка и туалет. Стены были покрашены глухо-сизой, пластилиновой краской. Они словно бы покрылись гусиной кожей от того, что краска была с мусором и плохо размешана. Дурно оструганные косяки словно зудели махрами задравшейся, нерасчёсанной древесины. Пол покрывала жёлто-оранжевая банная плитка.

Постучав, Ботова сразу открыла дверь и вошла.

– ...и ещё спите! – донёсся до двести двенадцатой её громкий голос. – Ну-ка, давайте вставайте! Все уже на занятиях!

– Доброе утро, Ольга Васильевна, – едва слышно Отличнику ответил Игорь. – У нас ведь сессия, свободный день...

– Знаю я ваш свободный день!.. Почему у вас в комнате электрочайник? Запрещается ведь держать электроприборы в комнате!

– Электрочайником, Ольга Васильевна, крайне затруднительно сжечь кирпичное здание.

– Ну, не знаю, не знаю, Игорёк... Симаков, ну-ка подъём!

Ответа Ваньки слышно не было. Если даже он и проснулся, то всё равно притворялся спящим.

– Симаков! Из пушки не разбудить засранца... Ну ничего, он мне ещё поклонится в ножки. Бегаешь тут за ним, как не знаю за кем, по-хорошему относишься... «Не буду, Ольга Васильевна, больше не повторится!» Вам веришь, а вы мне подлите!

– А что он опять натворил, Ольга Васильевна?

– Ну, что-что... До пяти утра спать не давал, орал матерные песни на чёрной лестнице, в двери чужие, паразит, ломился, бутылки из окна кидал. Ещё неизвестно, кто на вашем этаже балконную дверь разбил – тоже он, наверное. Где он пил-то вчера? С тобой? Или с этими вашими девками из двести двенадцатой?

– Нет, Ольга Васильевна. И мы, и девушки вчера рано спать легли. Да и Иван вроде бы часа в два пришёл.

– Уж ты бы мне не врал, Игорёк, дружка своего не покрывал бы. Мне ведь про него уже всё рассказали. Ты так ему и передай, что завтра у нас студсовет и будем ставить вопрос о выселении Симакова из общежития. Чтобы в семь часов вся комната ваша в читалке была. Я, Игорёк, тебя лично попрошу, чтобы ты привёл Симакова. А сегодня пускай он под окном стекло от бутылок подметает.

– Помилосердствуйте, Ольга Васильевна! – взмолился Игорь. – Вы же доброй души человек! Не выгоняйте его, я лично за ним следить буду! А сессия скоро закончится, и он уедет на практику!

– Добрая-то я добрая, Игорёк, но на всё добра не хватит. Сколько его терпеть можно? Раз ему сказали, два, три – ничего не понимает! Ну и пусть катится, такие нам не нужны! Вы за него уже сколько раз заступались? И до сих пор не поняли, какое это говно? Хватит, выгоним, и без права поселения на будущий год. Пусть тогда где хочет, там и живёт – на вокзале, на помойке, меня это не касается. И всё, больше не уговаривай меня.

Ботова подумала.

– Да, вот ещё, – вспомнила она. – Ты, Игорёк, сейчас как встанешь, ничем не занят?

– Учиться буду.

– Ну... Тогда ты приди ко мне, поможешь мне замок на чердак навесить, а то плотника сегодня нет, и Ринат на работе. Там только петлю починить надо. Придёшь?

– Конечно, обязательно приду. Только зря вы, Ольга Ва...

– Всё-всё, ничего не слышу! – перебила она. – Я уже ухожу!

Подслушивавшая Лёля проворно закрыла дверь. По блоку прошлёпали тапки Ботвы.

– Сука, – сказала Нелли.

– Ну как так можно?.. – страдальчески спросила Лёля.

Нелли встала, взяла массажную щётку и, глядя в зеркало на стене, начала причёсываться. Потом бросила щётку на кровать и выдвинула ногой из-под шкафа босоножки.

– Ладно, – холодно сказала она. – Пойду я на консультацию, а то и вправду опоздаю.

– Разозлилась, – печально пояснила Лёля, когда Нелли вышла. – Нелечка думает, что Ботва любит Игоря, и ей неприятно, что Игорь будет с Ботвой общаться.

– Мне кажется, что комендантша и действительно того... – Отличник неуверенно замолчал, ожидающе глядя на Лёлю.

– Всем так кажется. – Лёля отломил кусочек коржика. – Игорь говорит, что она ещё с первого курса его помогает. Вообще говорят, что она тут чуть ли не с половиной парней перетрахалась.

– А Ванька что? – перевёл разговор Отличник. – Выгонят его?

– Да вряд ли, конечно. – Лёля достала ложку из стакана и начала обводить ею квадраты на клеёнке, покрывающей стол. – Игорь за него заступится, да и Ваня ведь дружит с Ринатом, мужем Ботовой, и с Гапоновым... Если кого-то выселяют, то в конечном счёте решает студсовет, а не комендантша, а Гапонов – председатель студсовета. Да и кого выселяют на сессии? Всё равно все скоро разъедутся на практику.

– Почему же ты такая грустная стала, Лёля?

– Просто не люблю всего этого... Ване придётся с этими ублюдками связываться – с Гапоновым, с Ринатом, Игорю – с Ботвой, Нелечка будет злиться... Да и вообще... Страшно, когда тебя могут вот так раз – и выбросить на улицу, а жить негде и не на что...

Отличнику стало душно. Он поднялся из-за стола и повернулся к окну. Солнце ослепило его. «Оттолкнуться коленями – и туда... – подумал он. – Чтобы не успеть поверить во всё это, чтобы ещё счастливым...»

Сзади подошла Лёля и погладила его по затылку.

– Отличничек, – прошептала она. – Ну что ты? Всё будет хорошо. Ведь нас не разлучит какая-то Ботва...

Она усадила Отличника на койку, сама села рядом и надолго замолчала.

– О чём ты думаешь? – наконец спросил Отличник.

– Я хочу понять, почему Ванька пьянствует, – медленно сказала Лёля. – Мне кажется, это ему и удовольствия-то большого не доставляет... Меня пугает, что он, когда пьяный, всех будить бросается, кричит, в двери ломится, даже к чужим.

– Он нас с Игорем всегда поднимает, когда пьяный приходит, – подтвердил Отличник. – Просит, чтобы мы дежурили, потому что боится во сне проблеваться и задохнуться.

– Сколько я с ним ни пила, его никогда не тошнило, – заметила Лёля. – И мне страшно, Отличничек, когда он пьяный... Он сам не знает, куда злость свою девать, и бегаёт, всех будит, буянит или ещё дальше напивается. И страшно, и жалко его, ты не представляешь, как жалко! – Лёля глядела в глаза Отличнику. – Ведь он совсем не злой, просто ни капельки. Он мягкий, добрый, весёлый, умный. Умные ведь не бывают злыми – только жестокими.

– Почему же тогда он – злой?

– Мне кажется, что это не злость, а отчаяние. Он от отчаяния кажется злым. И будит от отчаяния.

– А откуда у него это отчаяние?

Лёля пожала плечами.

– Мне кажется, что ему просто страшно быть наедине с собой. Мучает его что-то... – Она отвела взгляд от Отличника. – Он вечно выделяется и выдаёт себя за другого. Раньше он в приличной компании пил – с нами, с Игорем, со Стрельченками, с Мишей Беловым, с Бумагиным, и всё было нормально. А с третьего курса начал бухать с какими-то идиотами типа Гапонова, Рината или Генерозова – вот тогда и пошёл буянить. А почему? Что случилось?

– И ты считаешь, что это от того, что он себя боится?

– Что-то и страшное, и жалкое у него на душе, и он боится думать об этом, изгоняет все мысли. Но что с ним может быть? Это, понимаешь, не чего-то там плохое, ужасное, вроде как он зарезал кого, а, наоборот, что-то хорошее, чистое, что у него отняли...

– Я знаю, что ты думаешь, – сказал Отличник. – Ты думаешь, что все Ванькины вывихи из-за того, что он в кого-то неудачно влюбился и любит до сих пор.

– А разве не похоже? – тихо спросила Лёля. – Ведь я ему нужна, только чтобы потрахаться со мной...

– Нельзя так говорить, Лёлечка. И думать так нельзя, – твёрдо возразил Отличник. – Он любит тебя, но почему-то боится своей любви. Он не тебя мучает, а себя.

– И всё же я не могу так жить... – совсем тихо сказала Лёля.

Лёля ссутулилась и поникла, сплела пальцы и стиснула руки между коленей. Отличник за подбородок осторожно приподнял её голову, чуть нагнулся и заглянул ей в лицо. Лёля сидела не открывая глаз, но ресницы тяжело набухли слезами.

– Ну что ты, Лёлечка, – нежно сказал Отличник, утешая её, как только что его утешала она. – Конечно, Ванька свинья... Но ты терзаешь себя, когда пытаешься его осуждать. Брось. Прими его таким, какой он есть. Ведь твой главный дар – это сострадание... Ты это умеешь... Не изменяй себе, и всё придёт. Если хочешь, я помогу тебе, как получится, конечно...

Лёля молча и вслепую подставила ему губы. Отличник поцеловал её, и она стала вытирать лицо ладонями.

– Может, так и надо... Во мне, Отличник, иногда вдруг столько гадких мыслей появляется, что я сама себе удивляюсь... А ты говоришь, что я добрая.

– Это плохо, когда гадкие мысли, – согласился Отличник. – Но это не самое страшное.

– А что самое страшное?

– Когда не любишь, – убеждённо сказал Отличник.

И тут дверь вдруг распахнулась, и с порога раздалось:

– Та-ак, мои кости моют, сплетничают, на постели валяются!.. Лёлька, я тебя сколько раз предостерегала от случайных связей? Тем более с детьми.

Нелли закрыла дверь, скинула туфли и положила на стол сумку. Лёля встала и подошла к Нелли, которая в это время убирала в шкаф косынку. Лёля обняла её сзади за талию и потёрлась щекой о плечо.

– Ты всё-таки не пошла на консультацию, Нелечка?

– Уйди, старая шлюха, – сварливо сказала Нелли.

– Ты меня ещё любишь, Нелечка? – жалобно спросила Лёля.

– Лёлька, ты сама подумай, – отстраняясь и разворачиваясь лицом, нравоучительно сказала Нелли. – Я люблю Отличника. Ты у меня его отбиваешь. Целуешься, валяешься с ним в койке, ревёшь – вижу по глазам. И как я могу любить тебя после этого? – Она сделала паузу и сказала Отличнику: – Я сейчас буду переодеваться, но ты можешь не отворачиваться. С детьми даже в женскую баню пускают.

Нелли начала расстёгивать пуговицы блузки.

– Но ведь Отличник не твой лично, Нелечка, – заметила Лёля. – Я ведь могу немножко его полюбить, пока тебя нет.

– Как не мой? – удивилась Нелли. – А чей же? Кто его воспитал, родил, грудью вскормил, в конце концов?

– Отличник общий, – упрямо возразила Лёля.

Когда Отличник вернулся в свою комнату, Игорь и Ванька уже проснулись. Игорь заправил кровать, сидел на ней и курил, стряхивая пепел в пепельницу, стоящую перед ним на стуле. Ванька тоже сидел на своей взрытой постели и брэнчал на гитаре. У них обоих был такой вид, словно только что они сказали друг другу что-то очень неприятное. Следуя их примеру, Отличник тоже опустился на свою койку.

Ванька был босой, в мятых джинсах с расстёгнутой ширинкой и в клетчатой рубашке, раскрытой по всей длине. Он внимательно глядел на гриф, по которому робко переступали его жёлтые, прокуренные пальцы, и медленно, запинаясь, набирал на струнах мелодию романса «Белая акация». Ванька был одного роста с Отличником, но старше всех: старше Игоря на два года, Нелли и Лёли – на три, а Отличника – на целых шесть лет. Самым ярким впечатлением от его внешности была всклокоченная тёмно-рыжая борода, из которой торчал длинный нос. В противоположность одетому Ваньке Игорь сидел на кровати в трусах и белых носках. Но, в отличие от Ваньки, который носил простонародные, раздольные сатиновые «семейники», Игорь признавал лишь узкие плавки. Они очень шли к его поджарой, вытянутой фигуре с широкими плечами и узкими бёдрами, к смуглой коже, щедро поросшей чёрным волосом.

Увидев Отличника, Игорь посмотрел на Ваньку и сказал:

– Иван. Вот пришёл Отличник. Есть предложение начать серьёзный разговор.

Ванька страшно не любил таких серьёзных разговоров, в основном потому, что обычно его начинали воспитывать. Он уронил руку на струны, высыпав на пол оставшиеся ноты романса, и, глядя на гриф, запел дурным голосом, варварски себе аккомпанируя:

Поговорить серьёзно надо,
Ведь мы живём одной семьёю,
И я вас всех давно затрахал
Своим дурацким поведением...

Некоторое время Игорь молча смотрел на Ваньку. Игорь был склонен к подобным эффектным театральным паузам. Ванька нервничал и злился.

– Ну, Иван, – начал Игорь, – будь так добр, расскажи, как ты провёл миновавшую ночь.

Ванька механически колупнул ногтем струну.

– Хрена ли докапываешься? – грубо спросил он.

Ванькина грубость была первым шагом назад. Игорь, соответственно, сделал шаг вперёд.

– Ну, поведай нам, с кем ты принимал алкоголь, в каких количествах? Поясни, зачем ты производил на чёрной лестнице – нечеловеческий ор, из окна – бросание бутылки, в коридоре – выбивание дверей? Поясни нам, во имя чего всё это?

– Во имя моей собственной охоты к этому, – пробурчал Ванька.

– Ну хорошо, Иван, – сдерживаясь, сказал Игорь. – Судя по всему, для тебя большую ценность, нежели Лёля, Нелли, Отличник, в конце концов, я, представляют горячительные напитки вкупе с Гапоновым, Ринатом, Жихарем и иже с ними. Видимо, они за тебя беспокоятся, ты им дорог, они желают тебе помочь, даже если ты их не уполномочивал. Пусть так. Тогда узнай, дорогой друг, что с утра визитом доброй воли тебя лично почтила Ботова Ольга Васильевна, комендант.

– И чего этой глисте надо? – хмуро спросил Ванька.

– Она сообщила нам, что завтра состоится студсовет и тебя выселят из общаги.

– Хер они меня выселят, – уверенно сказал Ванька.

– Иван, позволь тебе напомнить, что ты живёшь здесь четвёртый год. Следовательно, ты знаешь, что этот акт имеет большую степень вероятности и проводится элементарно.

– Ну выгонят, и плевать. Вернусь через день, и всё.

– Сейчас начало сессии у заочников, Иван. Мест в общаге и так нет, а сейчас тем более.

– Выгоню этого драного заочника, которого на моё место поселят, и барахло его в окно вышвырну, – более уверенно сказал Ванька, вдруг схватил гитару, заиграл и заорал:

А пусть он, гнида, собирает
Да по асфальту свои шмотки,
Свои дырявые рубашки
И сорок пар носков вонючих,
А также свой будильник верный
И туалетную бумагу,
И семь трусов своих семейных
Да по огромному пространству!..

– Прекрати ёрничать, – продолжил воспитание Ваньки Игорь, переждав Ванькину серенаду. – Кого ты выгонишь, Иван? Селить будет Гапонов, и поселит он своего собутыльника, скажем, того же Жихаря. Ты Жихаря сумеешь выгнать, Иван? Подумай в меру своих возможностей.

– Не будет он селить его вместо меня. Бухали же...

– Не тешь себя иллюзиями, Иван. Он поселит. Ему на тебя наплевать. Какие они тебе друзья? Проглотят и не подавятся.

– Ладно, Игорёха, я уже миллион раз это слышал... Ну и что? Вам-то что, а?

– А нам вот что, слушай. Ты, безусловно, станешь жить нелегалом. И вот тебе вопрос: где? Есть вариант: в комнате у Нелли с Лёлей. Это значит, что через неделю тебя выловит бабка Юлька, доблестный вахтёр, и всей комнате будет за это непоселение на будущий год.

– Не ссы, не буду я там жить, – раздражённо сказал Ванька. – И без вас найду где...

Игорь обомлел.

– Ты, Иван, за кого, интересно знать, нас считаешь? Да это же свинство чистой воды, Иван...

Игорь поднялся, сдёрнул со спинки стула свои брюки и, повернувшись к Ваньке спиной, принялся натягивать их, прыгая на одной ноге. Ванька молчал, сидел неподвижно, а потом вдруг яростно сбросил с колен гитару.

– Блядь! – в сердцах выругался он. – Ладно, простите меня. Игорёха, слышь?.. Не люблю я этих бесед за жисть... Давайте конструктивно поговорим. И сигаретой угости.

Игорь, стоя спиной к Ваньке и отдуваясь, застегнул ширинку, ремень, достал из кармана пачку сигарет и бросил на стол.

– Не злись, Игорь, – попросил и Отличник.

– Зачем ты его жалеешь, Отличник? – спросил Игорь, всё ещё не глядя на Ваньку. – Он же нас ни в грош не ставит!

– Ну хватит, Игорёха, – глядя на него из-под бровей, сказал Ванька. – Полаялись, и будет. Скажи лучше, чего я должен сделать?

Игорь надел рубашку, сел на койку, тоже закурил и сказал:

– Во-первых, ты должен уговорить Гапонова, чтобы он тебя не выселял.

– Это как два пальца обоссать, – прокомментировал Ванька.

– Во-вторых, пообещать Ботовой, что прекращаешь пьянку. В-третьих, убрать стёкла от бутылки с асфальта под окнами. Со своей стороны я сегодня поговорю с комендантшей и попытаюсь её умаслить.

– Лучше ублажи её, – скромно посоветовал Ванька.

– Твои острооты, Иван, очень часто отличаются отсутствием ума, юмора и такта, – холодно заметил Игорь.

– Ладно, замяли, – тут же согласился Ванька.

– А зачем заминать, Иван? У тебя излюбленная тактика – не выяснять отношений.

– А на хрена нужны эти гнилые разборки?

– Эти, как ты выразился, Иван, гнилые разборки нужны, чтобы лучше понять друг друга. Например, понять, почему ты пьёшь.

– Ты чутьём понять попробуй, а не лезь в душу.

– Я не лезу в душу, Иван. Я не вор. Я прошу разрешения войти. И всё-таки ответь на мой вопрос: почему ты пьёшь?

– Станция «Березай», приехали, вылезай! – с досадой сказал Ванька.

– Лёля думает, что ты... – начал было Отличник.

– Да заколебала Лёлька меня своей простотой! – разозлился Ванька. – Знаю я всё, что она думает! Думает, что у меня баба какая-то, которую я безответно люблю, оттого и пью. Убеди ты её, Отличник, как друга прошу, что фигня всё это!

– Но, Иван, ты действительно живёшь неправильно, хотя я и не берусь судить о причине. Мы все хорошо изучили тебя, и мы видим, что ты не тот, за кого себя выдаёшь, что твой образ жизни – это гусарство, лихачество. Он не годится для тебя, потому что ты слишком умён, слишком тонко чувствуешь...

– Где тонко – там и рвётся, – перебил Ванька.

Игорь осёкся, но сообразил и продолжил:

– Вот посмотри, Иван, сколько сегодня ты нам неприятностей доставил. В конце концов, ты не только нам кровь переводишь, но, что для всех нас гораздо тяжелее, ты и себя гробишь,

жизнь прожигаешь! Ты же не Гапонов, не Ринат и не Жихарь с Генерозовым, чтобы такая бездарная жизнь доставляла тебе, как ты утверждаешь, удовольствие!

– Короче, чего надо? – утомлённо спросил Ванька.

– Не пей.

Ванька ответил кратко, энергично и матерно.

– Ладно, чёрт с тобой, Иван. Не пей с ними и не буянь. В принципе, это одно и то же. Если ты напиваешься в их компании, ты всегда буянишь. Давай договоримся: с сегодняшнего дня ты пьёшь только с нами. По рукам? Тебе можно верить?

– Почём я знаю, можно ли мне верить? – мрачно сказал Ванька.

Игорь поглядел на часы и хлопнул себя по бёдрам.

– Может, на неделю, Отличник, мы совесть в нём пробудили, – сказал он, вставая с койки. – Пойдём тогда, мой юный друг, посетим пункт общественного питания с целью общественно напитать себя. А ты, Иван, сиди тут и думай как о нашем разговоре, так и о нашем уговоре. Можешь заодно и ширинку застегнуть.

– Да ну вас... – буркнул Ванька. – Отвалите Христа ради...

После столовой Игорь решил отправиться помогать Ботве и потащил Отличника за собой. Они прошли через вестибюль, чинно поздоровались с бабкой Юлькой, сидевшей на вахте, и свернули в небольшой коридорчик, где находились комната и кабинет комендантши. Игорь велел Отличнику подождать в коридоре, а сам постучался и вошёл.

Отличник слонялся у двери комендантской не меньше получаса, пока наконец не вышли Игорь и Ботова. В руке у Игоря была плоская грязная картонная коробка, вскрытая с одного конца. Из коробки торчала жёлто-прозрачная, промасленная обёрточная бумага.

– А этот нам зачем? – запирая дверь, спросила про Отличника Ботова.

Игорь за её спиной подмигнул Отличнику: всё, мол, схвачено.

– Ну как зачем, Ольга Васильевна? – с укором пояснил он. – Помогать мне будет, подай-принеси. Согласитесь, по всяким мелочам не вас же мне гонять.

Они направились к лестнице и начали подниматься. Спускавшиеся навстречу девушки, увидев комендантшу, замолчали и, проходя мимо, внятно поздоровались.

На чердак общежития и далее на крышу имелось два выхода. Один люк над площадкой главной лестницы был тщательно окрашен и с незапамятных времён закрыт на амбарный замок. Второй люк над чёрной лестницей был ржав, но всегда открыт. На зиму петли замка заматывали проволокой, но по весне студенты сдирали её и лазили наверх учиться и загорать.

Ботова остановилась под этим люком, задрала голову и сказала Игорю:

– Ты взгляни, Игорёк, там на крышке люка петли для замка, а одну сорвали, и люк не запереть. Ты уж почини как-нибудь...

– Нет проблем, – поднимаясь по грохочущей стремянке и осматривая петли, сказал Игорь. – Для вас, Ольга Васильевна, хоть с крыши сброшусь... Отличник, подай, мой друг, плоскогубцы.

– Нет, Игорёк, сбрасываться не надо, – посоветовала комендантша. – До меня-то другой комендант был, так вот при ней – в каком это? Году в восемьдесят втором, получается, один дурак спрыгнул, и попёрли коменданта...

– И вас после этого назначили?.. Отличник, теперь отвёртку... То-то старшекурсники мне говорили, пока я на первом-втором учился, что раньше в общежитии бардак был, а теперь – порядок. А почему тот дурак спрыгнул, Ольга Васильевна?

– Кто его знает. Наверное, пьяный был.

– Пить – здоровью вредить, – изрёк сверху Игорь.

– Это ты Симакову скажи, – сварливо отозвалась комендантша.

– Мы его, Ольга Васильевна, под вашим руководством от выпивки мигом отучим, – заверил Игорь.

– Не верится мне что-то, Игорёк. Я вот гляжу, компания у вас там не из тех, где исправиться можно. Один ты приличный человек.

Отличник глядел вверх и видел небо в чердачном проёме, небо в темноте помещения лучисто-голубое, ослепительное, с белым пером облака. Отличник как-то забыл, где он находится. Этот лоскут неба, отстриженный от небосвода, казалось, как живую картину, можно было перенести в любую часть света. Он был безотносителен к земле, и поэтому под ним могло случиться что-то необычайное, чего на земле не бывает, что-то щемяще-прекрасное. Отличник вдруг увидел это палящее небо над кипящим тропическим лесом, обрезанным кромкой пляжа, где из песка торчат шипастые завитки раковин, а рядом гудит океан, встающий горой у горизонта... И там, на волосатом стволе поваленной пальмы, крону которой уже съел прибой, ждёт его какая-то девушка, ещё не известная, но уже любимая и желанная. Там, на вулканическом острове Тенерифе, ждёт Отличника неизмеримое счастье.

– Отличник, – позвал Игорь. – Подай петли, шурупы и молоток.

Отличник взял у комендантши неожиданно тяжёлую коробку и осторожно высыпал на цементный пол её содержимое: массивный замок в смазке, горсть шурупов, кольцо с ключами и петли. Выбрав нужное, Отличник подал всё это Игорю.

– Почему это, Игорёк, ты его так зовёшь? – улыбаясь и глядя на Отличника, спросила комендантша.

Отличник покраснел.

– Потому что учится на одни пятёрки, – пояснил Игорь. Он чуть-чуть сполз вниз по лестнице и стал привинчивать новую петлю к косяку люка. – А за... чем вы, Оль... га Василь... евна, хотя... те крышу запе... реть? – Каждая пауза приходилась на тот момент, когда Игорь с силой давил на отвёртку и ввинчивал шуруп.

– Да я сама-то, Игорёк, ничего против не имею. Если вы там загораете – не положено, конечно, но я сквозь пальцы смотрю уж. Не такая я и самодурка, как вы считаете. Мне проректор велел. Есть тут у него люди, которые ему рассказывают всё, ну, они ему и рассказали, что кое-кто тут из наших залезут на крышу, запрутся там и... это... Ну, короче, Игорёк, велел проректор закрыть крышу, чтобы из неё публичный дом не устраивали.

– Подай замок, Отличник, – велел Игорь. – И ключи тоже.

Игорь вставил дужку замка в петли, запер замок и толкнул крышку люка вверх. Замок прыгнул, петли выдержали.

– Принимайте работу, Ольга Васильевна, – спускаясь вниз и отдавая ключи, отрапортовал Игорь.

– Ну спасибо, Игорёк! – обрадовалась комендантша. – Теперь я твой должник. Приходи ко мне чай пить с печеньем.

– Непременно, Ольга Васильевна, – пообещал Игорь. – И вы к нам тоже приходите, не забывайте нас... Что ж, мой юный друг, не выкурить ли нам сигарету после трудового подвига?

Комендантша пошла вниз по чёрной лестнице, а Игорь с Отличником вышли на балкон. Высокое солнце стояло над общагой, словно облокотившись о её стену, сложенную из жёлтого, как вечность, кирпича. Игорь закурил и навалился на перила балкона.

– Дело сделано, – довольно сказал он. – Отмазал я Ивана, пока в комендантской торчал. Только вот не вызывает во мне положительных эмоций процесс лизания задниц... Я тебе, мой юный друг, сюрприз хочу сделать. – Игорь порылся в кармане. – Зная твою склонность к юношеским мечтаниям на крыше, я тебе у Ботовой с колечка ключик позаимствовал.

Игорь протянул Отличнику новенький ключ.

– Спасибо, – искренне обрадовался Отличник.

– Только уговор, – предупредил Игорь, – если тебя застукают, я тебе ключа не давал, хорошо?

Возвращаясь домой, у двери двести двенадцатой комнаты Игорь выбросил окурок, постучался и вошёл. Нелли сидела на подоконнике и курила. Лёли в комнате не было. Отличник не хотел заходить – он собирался засесть за учебники, но в проёме двери Нелли увидела его, и в таком случае уйти Отличник посчитал невежливым. Он вошёл вслед за Игорем.

Нелли молчала, глядя на них. Подойдя, Игорь обнял её за плечи и поцеловал в лоб.

– Чего припёрлись? – фальшивым тоном спросила Нелли.

– На тебя посмотреть, – ответил Игорь.

– Посмотрели – и будет, – сказала Нелли, затянулась сигаретой и отвернулась к окну.

– Ты чего такая злая? – напрямую спросил Игорь. – Узнала на консультации, что опять готовилась не к тому экзамену?

– Отстань, – раздражённо сказала Нелли. Она по-прежнему смотрела в окно и не поворачивалась.

Отличник подумал, что Игорь и Нелли лучше поладят вдвоём, и беззвучно приоткрыл дверь. Игорь оглянулся на него и благодарно кивнул. Отличник выскользнул наружу и пошёл к себе.

Ваньки в комнате не было, но сидела однокурсница Игоря Марина Савцова. Это была невысокая, полная девушка с сильно развитой грудью и крашеными волосами. Она была довольно симпатичной. Лицо её имело спокойно-развратное, какое-то манящее выражение, словно готовое каждый миг смениться на выражение крайнего наслаждения. Марина оторвалась от газеты, которую читала, и с улыбкой поглядела на Отличника.

– Приве-ет, – низко и нараспев сказала она. – А где Каминский?

– Ушёл куда-то, – ответил Отличник, не желая, чтобы Марина сунулась сейчас в двести двенадцатую комнату.

– Ну ладно, ждать его я не буду, – с сожалением сказала Марина, встала и подошла к зеркалу. – Ты передай ему, что Надя Новиченко к родителям сегодня поехала.

– Передам, – сказал Отличник.

Марина хитро усмехнулась ему и поплыла на выход. Отличник понял, зачем она пришла. Игорь давно уже посвятил его в свои любовные похождения. Марина жила в двухместке вместе с Новиченко, и, если та уехала к родителям, значит, Марина до завтрашнего вечера будет страдать от одиночества, которое Игорь поможет ей скрасить. Отличник взял полотенце и протёр зеркало, словно стирая с него отражение Марины, а потом достал учебники и уселся на стул, где только что сидела Марина. Стул хранил тепло её соблазнительного зада, и Отличник как-то разволновался, но потом плюнул, мысленно послал Марину по тому адресу, который только что его так взволновал, и раскрыл учебник.

А Игорь в это время запер дверь и вернулся к Нелли.

– Что с тобой, радость моя? – тревожно спросил он, пытаясь заглянуть ей в лицо. – Ты очень нервничаешь. Какая это сигарета по счёту?

– Миллиардная, – издевательски сказала Нелли.

Игорь мягко вынул сигарету из её пальцев и выбросил в форточку.

– Ну-ка, успокойся, – велел он, расстегнул верхнюю пуговку на её блузке и аккуратно поправил крестик, висевший на золотой цепочке и похожий на крошечного человечка, пытающегося обнять Нелли своими лапками.

– Прекрати! – вдруг истерично крикнула Нелли, дёрнулась всем телом, оттолкнула Игоря и прыгнула на пол. На её высоких скулах появились пятна румянца, а глаза были сухие и раскалённые. Нелли села на кровать, взяла со стола пачку сигарет и дрожащими пальцами стала разрывать целлофан.

Игорь с видом человека, выполняющего капризы тяжелобольного, уселся на стул напротив неё и положил ладони ей на колени.

– Рассказывай, в чём дело, – негромко, но твёрдо велел он.

– Думаешь, тебе будет приятно? – почти с ненавистью спросила Нелли, уставив на него пустые, чёрные дыры зрачков. – Расскажу, так ведь того и гляди вмешиваться придётся, суесться, а там и по красивой морде схлопотать можно!..

– Нелли, – поглаживая её колени, тихо ответил Игорь, – за что ты меня так обижаешь?

Нелли опустила голову, помолчала и начала рассказывать...

Напившись у Лёли чаю, Ванька пошёл клянчить у бабки Юльки метлу, чтобы замести бутылочные стёкла под окном общаги, а Лёля пошла его контролировать. Сама же Нелли отправилась в буфет за сигаретами. Она возвращалась, когда из дверей своего блока выглянул Ян Гапонов и окликнул её:

– Караванова, посой!..

У Гапонова был странный, какой-то детский дефект речи. Сейчас Гапонов был сильно пьян, глаза его глядели тускло, светлые небольшие усы были прижаты на одну сторону.

– Зади, – велел Гапонов.

Нелли подумала, что Ваньке ещё предстоит разговор с Гапоновым о выселении, поэтому решила не ссориться, а развернулась и вошла в комнату. Здесь царил бардак, окно было без штор, из открытого шкафа свешивалась штанина, воняло застарелыми окурками и пбтом. На соседней кровати храпел сосед и приятель Гапонова Лёнька Генерозов. На столе на мокрых газетах громоздилась грязная посуда, валялись открытые консервные банки, окурки, стояла полупустая бутылка портвейна. Гапонов запер дверь, пошатнувшись, обошёл стоящую на дороге Нелли и сел на единственный стул.

– Садись, – безразлично сказал он.

Нелли оглянулась. Ей не оставалось ничего иного, как сесть на кровать напротив Гапонова колени в колени. Гапонов долго молчал, глядя куда-то вниз, потом вздохнул, как перед тяжёлым усилием, почти не вставая, вдруг упёрся Нелли в плечи и повалил её, ничего подобного не ожидавшую, на одеяло. Сам он моментально лёг сверху, рывком подтянул её вдоль кровати и, дыша в лицо перегаром, потащил узкую юбку.

– Я... з-закричу... – шёпотом выдавила Нелли, силясь высвободить руки.

– Ори, – хрипло согласился Гапонов.

Юбка уже задралась до ляжек, когда Нелли наконец вырвала руки и схватила Гапонова за волосы над ушами. Как штурвал, она повернула голову Гапонова набок, и Гапонов со стоном перевалился в сторону. Нелли, освободившись, села и быстро соскользнула на пол. Отойдя на шаг, она оправила измятую юбку, опустив её вниз и шевельнув бёдрами. Она тяжело дышала, прядь волос попала в рот. Не говоря ни слова, она пошла к двери, но, пока отпирала замок, Гапонов тяжело поднялся на ноги и дёрнул её за локти, оттаскивая назад. Нелли прижалась к шкафу спиной, а Гапонов навалился на неё животом.

– Почему не даёшь? – без выражения спросил он, снова подтаскивая вверх её юбку.

Гапонов выдыхал прямо в глаза. Нелли отвела взгляд от его запёкшихся губ, молча смотрела на бутылку портвейна, которая от толчка упала и разлилась по столу.

– Дай добром... Я же драл тебя на певом кусе, или забыла?..

– Всё, Гапон, – сдавленно ответила Нелли. – Ты уже в пролёте...

– Ты же лядь, – просто сказал Гапонов. – Тебя же все имели, чего теперь девочку строишь, Караванова?..

Нелли резко ткнула пальцами Гапонову в рёбра. От неожиданности Гапонов дёрнулся и отшатнулся, а Нелли ещё оттолкнула его на середину комнаты и опять пошла к двери. Гапонов стоял неподвижно. Когда Нелли открыла дверь, Гапонов сказал ей вслед:

– Докобенишься, сука. Сосать у меня за счастье считать будешь.

Когда Нелли начала рассказывать об этом Игорю, она как-то моментально успокоилась, даже заледенела в спокойствии. Но чем дальше она рассказывала, тем ярче в её рассказе проступало что-то истерично-вызывающее, тем циничнее, бесстыднее, гнуснее и подробнее он становился, и к концу Нелли уже злобно смаковала рассказ. Игорь сникал и сгибался. Нелли словно захлёбывалась своим унижением и им унижала Игоря, стремясь сделать ему больно, очень больно, ещё больнее, и находила зверское наслаждение в этом истязании его и себя. Закончив, она глядела на Игоря с ненавистью, с презрением победителя, глумящегося над побеждённым. Она почти задышалась, готовая, кажется, броситься на Игоря и вцепиться в лицо ногтями.

Оба они молчали: Игорь – опустив голову, Нелли – жадно ища его взгляда.

– Забудь всё это, – вдруг глухо произнёс Игорь.

Нелли хищно ощерилась, как волчица, и звонко, злобно расхохоталась ему в лицо.

– Больше этого не повторится, – сказал Игорь, встал, не прикасаясь к ней, осторожно обогнул её колени и пошёл на выход.

Отличник с учебником в руках лежал на своей койке. Игорь остановился у стола, спиной к Отличнику, опёрся костяшками пальцев о столешницу и стал смотреть в окно.

– К тебе заходила Маринка, – сообщил Отличник. – Звала тебя к себе, она сегодня всю ночь одна.

Игорь вдруг застонал и склонился над столом, словно его рвало.

– Боже мой, какая дикая грязь... – со страшной болью сказал он. – Ведь им ничего не стоит всё растоптать, испоганить, загадить...

Отличник даже сел на кровати, поражённый словами и видом Игоря.

– Кроме неё, у меня же нет ничего... Она – последняя надежда моя... И они меня таким же паскудством делают, как и сами...

– Да что случилось-то, Игорь?.. – пролепетал Отличник.

Игорь выпрямился.

– Только что Гапонов чуть не изнасиловал Нелли, – проскрипел он и бросился из комнаты.

Отличник вскочил, объятый мгновенным ужасом. Он нырнул под кровать за тапками и кинулся к двери, но столкнулся с входящим Ванькой. Ванька подмёл асфальт от бутылочных стёкол, выпил пивца и, проводив Лёлю, возвращался крайне довольный жизнью.

– Стоять, смирно! – гаркнул он, хватая Отличника. – Представляешь, харя, гляжу в окно триста десятой – там Танька Стрельченко, голая, как лампочка, а за спиной у неё – Маркелов!.. Оборзело поколение!

Лицо у Отличника скривилось, как от зубной боли.

– А куда это Игорёха почесал с такой рожей? Чай к Ботве пить?.. – по инерции весело спросил Ванька, и улыбка уползла в его бороду, как уж в траву. – Эй, чего тут у вас?

– Гапонов только что Нельку чуть не изнасиловал, – прошептал Отличник, глядя Ваньке в глаза.

– Блядь!.. – сказал Ванька и рванулся вон из комнаты.

Отличник метнулся за ним.

В это время Игорь уже добежал до комнаты Гапонова, стукнул в дверь и, не услышав ответа, вошёл.

В комнате всё было так, как описала Нелли. По столу разлилась лужа портвейна, в которой лежали бутылка и раскисшие окурки. Гапонов и Генерозов спали. Игорь постоял посреди комнаты, переводя дыхание, сел на стул, как недавно сидел Гапонов, и, подавшись вперёд, потряс Гапонова за плечо. Гапонов закричал, расклеил мутные глаза и, увидев Игоря, вяло сказал:

– Пошёл в жопу...

– Подъём! – крикнул Игорь и коротко, но сильно ударил Гапонова в левый бок.

От этого крика зашевелился и Генерозов. Гапонов застонал, потёр кулаками глаза и сел на кровати, спустив босые ноги на грязный пол.

– Чего надо? – невнятно спросил он, взял со стола стакан с опивками чая, глотнул, выплюнул обратно набившуюся в рот заварку, поставил стакан под кровать и застыл в расслабленной позе.

– Так, Гапонов, – начал Игорь. – Ты сегодня затаскивал сюда Караванову? Слушай, учти, если ты хоть раз прикоснёшься к ней...

– А ты кто такой? – поднимая голову и сосредоточенно вглядываясь в Игоря, вдруг спросил Гапонов.

– То есть – кто? – с вызовом поинтересовался Игорь. – Ты с похмелья меня уже не видишь?

– Говном воняет – чую, а ни хрена не вижу, – спокойно сообщил Гапонов, глядя на Игоря с таким выражением, с каким обычно ожидают разъяснения недоразумения.

– В общем, так, Гапонов, – уклонился Игорь. – Если ты хоть раз сунешься к Нелли, пеняй на себя. Она не твоя женщина, и заруби это себе на носу.

– Дай ты ему по рылу, Ян, – со своей койки предложил Генерозов.

Гапонов, казалось, задумался.

– Всегда драл кого хочу, – пожимая плечами, словно придя к парадоксальному логическому выводу, сообщил Гапонов Игорю. – Кого хочу, как хочу и скоко хочу.

– А попробуешь Караванову захотеть, будешь разбираться со мной! – предупредил Игорь.

– А тебе разок дам по яйцам, ты и успокоишься.

– Вот что, Гапонов! – взбесился Игорь, наклоняясь к нему. – Ты со мной не шути. Ты со своими шуточками допрыгаешься. Забудь про Караванову, добром говорю. Руки будешь совать – так я их тебе пообломаю, а если полезешь – по стене размажу, усвоил? Она – моя женщина, Гапонов, заучи это. Я за неё тебя любой ценой уделаю. Ты лучше и думать о ней не смей, козёл!

Гапонов дослушал Игоря, не торопясь поднял ногу и вдруг мощно пнул по стулу, на котором Игорь сидел. Стул отпрыгнул на метр и с грохотом опрокинулся. Игорь, мелькнув подошвами кроссовок перед лицом Гапонова, рухнул на спину, ударившись затылком об пол.

Мгновение спустя дверь распахнулась, и в комнату ввалился Ванька Симаков.

Весь разговор Игоря с Гапоновым он подслушал. Отличник застал Ваньку возле двери гапоновской комнаты скорчившимся пополам, прилепившим ухо к замочной скважине, с отвердевшим лицом, со скошенными глазами и шевелящейся бородой. Когда в комнате раздался грохот упавшего стула, Ванька моментально разогнулся. Взгляд его из бесконечной пустоты переехал на Отличника.

– Спрячься в кухню от Игоря! – яростно прошептал Ванька, толкнул Отличника в грудь и распахнул дверь.

Отличник, ничего не соображая, вылетел из блока в коридор и юркнул в кухню.

Ванька застал Игоря и Гапонова уже вскочившими и готовыми броситься друг на друга.

– Атас, мужики!.. – закричал он, втискиваясь между ними. – Спокойно, Игорёха, спокойно, – тараторил он, обнимая Игоря за талию и увлекая в сторону. – Все живы, Игорёха, Красная армия победила, Гитлеру капут...

– Ну-ка, пусти!.. – пытаюсь вырваться, рычал Игорь.

Гапонов стоял молча. Ванька подтаскивал Игоря к двери.

– Остынь, Игорёха, остынь, кому говорят, – твердил он. – Только мордобоя нам ещё не хватало... Пойди в коридор, успокойся. Мне самому надо с Яном поговорить. Иди, иди, ты уже всё сказал, а мы тебя внимательно выслушали...

Ванька дотащил обалдевшего Игоря до выхода, выпихнул его в блок и сразу захлопнул дверь. Игорь тотчас могуче пнул в неё. Ванька быстро отщёлкнул замок, приоткрыл дверь, выставил в коридор бороду и спросил:

– Долбанулся, что ли?.. – и снова захлопнул.

Приглаживая руками волосы, Ванька, не глядя ни на кого, прошёл в комнату. Гапонов всё так же молча сел на кровать. Из коридора не доносилось ни звука.

– Ну и срач у тебя, Ян, – сказал Ванька, неторопливо поднимая стул и усаживаясь на приличном от Гапонова расстоянии. – Давай поговорим, Ян, как мужик с мужиком. Генерозов, ты, наверное, пописать хочешь?

– Пусь здесь остаётся, – хмуро велел Гапонов.

Ванька заёрзал, доставая сигареты, и закурил.

– Чего с Каминским-то сцепился? – поинтересовался он.

Гапонов тоже медленно закурил.

– Кама на меня залупой пошёл, – спокойно пояснил он.

– И что дальше делать будешь? – осведомился Ванька, стряхивая пепел в ближайший стакан.

– Что хочу, то и буду, – веско ответил Гапонов.

– Не надо, Ян, доставать Каминского, – сердечно попросил Ванька. – Фигня ведь начнётся, сам знаешь.

– А чего мне этот дрищ сделать сможет? Рыпнется – по зубам отгребёт.

– Ты как пацан, честное слово, – поморщился Ванька. – Ну, своротишь ты ему скулу, так ведь выселят за драку.

– Кто выселит? Сам я себя, что ли, выселю?

– Ну, я тебя как друга прошу, – сдался Ванька. – Оставь его.

– А тебе-то чего?

– Он меня выручал, когда мне было хреново, и я за него заступлюсь.

– Да я ротив него ничего не имею, – пояснил Гапонов. – Ну, возбухнул раз от гонора – хер с ним. Он мне не мешает, пусть живёт.

– Так ты к Каравановой не лезь.

– А чем я его хуже? Он имеет, и я хочу. Она же лядь ошажная.

– Во-первых, она не блядь и блядью не была, – начал Ванька.

– Ага, – перебил Гапонов. – С половиной моего курса перекувыркнулась, и целочка, значит? И сам я её по пьяни прищемил, но дано.

– Видишь, это было давно, Ян, – устало возразил Ванька. – И про блядство её – на три четверти враньё. Кому не дала – тот и вонял с досады. А теперь у неё есть постоянный мужик – Каминский, и ты лучше не суйся.

– Токо что мне это Кама вкручивал, терь ты?

– А что мне прикажешь делать? – удивился Ванька. – Я живу вместе с ним, и это меня задевает! К тому же не обломится тебе.

– Может, и обломиса, – многозначительно сказал Гапонов. – Чего это она Каме даёт, а мне не дас? Знаю я этих баб, замуж она хочет, вот и держиса за этого мудозвона. Зесь, в ошаже, эту лядь никто больше, кроме него, не возьмёт, а ей дано пора. Ещё один аборт – и она уже рожать не сможет, кому такая нужна будет? Тем более, если здесь, в ошаже, она мужика не заведёт, её затрахают насмерть.

– Даже если и так, – разозлился Ванька, – Каминский-то берет её в жёны!

– А я, может, тоже на ней бы жениса, – ухмыльнулся Гапонов.

Ванька в изумлении присвистнул.

– А что? – довольный произведённым эффектом, сказал Гапонов. – Баба она хорошая, на рожу красивая и в постели ток знает. За мужа держаса будет, хозяйственная, самостоятельная. А лядовать начнёт – успокою.

– И ты думаешь, что если она тебе поверит, что ты на ней женишься, так сразу тебе и даст? А потом её под зад коленом?

– Сразу и дас, – согласился Гапонов. – А потом видно будет.

– Всё равно не даст, Ян, – сказал Ванька. – Не поверит.

– Каге верит, а мне не поверит?

– Мне не объяснить тебе, но положиись на моё слово. – Ванька помотал головой, раздумывая. – Я её лучше, чем ты, знаю и точно говорю: не поверит. Не даст.

– Ну, это я без тя разберусь, – спокойно ответил Гапонов.

Оба они замолчали.

– Слушай, Ян, – с трудом начал Ванька. – Я тебя как друга хочу попросить: выбрось ты всё это из головы. Ни к чему хорошему это не приведёт. Отстань от них обоих, Ян.

– Пошёл ты на хер со своими просьбами, – отрезал Гапонов.

Ванька поднял на него взгляд.

– Не надо так говорить мне, Ян, – вкрадчиво произнёс он. – Я с тобой пока по-человечески беседую, как с другом, и зла не хочу.

– Да я сам о себе позабочусь, Ванька.

– Что же ты тогда о себе не позаботился, когда зимой тебя менты загребли? Кто тебя отмывал, может, помнишь? А когда из техникума тебя плющить приходили, кто ещё из наших за тебя вышел, а? Или тот случай с Вьюшковой – припомни, кто тогда всё замял?

– А чего ты мне это в лаза тычешь? – разлился Гапонов. – Я тя просил тогда, что ли?

– Нет, не просил, я тебе как другу помогал.

– Ну, помог, и спасибо. Что терь, мне те за это сю жись ноги целовать?

– Обойдусь без поцелуев. Ты лучше отстань от Каравановой.

– Не лезь не в своё дело, Ванька, я те уже сказал.

– А ведь тогда, Ян, я тоже не в своё дело лез.

– Ну что за на фиг, лядь! – в сторону сказал Гапонов. – Ты долбанутый, что ли, ни хера не понимаешь?

– Всё я понимаю, Ян, – медленно ответил Ванька. – И то, что ты из-за стояка своего Каравановой жизнь поломаешь, – тоже понимаю. Тебе других баб мало, что ли?

– Своих баб считай, Симаков. Ты меня уже достал.

– Дай ты ему в рыло, Ян, – со своей кровати предложил Генерозов. – Видно ведь, чего ему от тебя надо.

– Зажми щель, Говнорезов, – не оглядываясь, сказал Ванька.

– Ах ты... – приподнимаясь, начал Генерозов.

Ванька развернулся на него, взял со стола за горлышко бутылку и вдруг швырнул её в стену над головой Генерозова. Бутылка лопнула, просыпавшись вниз, и Генерозов вжался в койку.

– Я за такую фигню сейчас вышвырну тя осюда, Симаков, – спокойно предупредил Гапонов.

– Шакалов своих прижать не можешь, а меня выбросить намылился? – Ванька со злой улыбкой глядел на Гапонова. – Я ещё не договорился с тобой. Если ты добром отстать не хочешь, давай посчитаемся. С тебя должок и за технарей, и за Вьюшкову, и за ментов. Давай расплачиваться. Баш на баш – и разойдёмся.

– Да ты сам у меня в долгах по уши, – усмехнулся Гапонов. – Еси б не я, тя за пьянку дано уж выперли бы из оцаги. Не начинай лучше, Ванька, кто кому дожен. Зесь я хозяин.

– У меня нету хозяев, Гапонов. Учти, если ты снова начнёшь под Караванову клинья подбивать, у тебя не с Каминским – сперва со мной разборки будут.

– Хер с пробором я на тя, Симаков, положил, понял?

Ванька надул щёки и медленно выпустил воздух.

– Последнее предупреждение, Гапонов. Я тебя долго уламывал, уговаривал, просил... Не заставляй меня к крайнему средству прибегать. Ведь потом сам себе яйца вырвешь.

– Зец, как ты мне надоел. – Гапонов, глядя на Ваньку, плюнул на пол и встал. Постояв перед Ванькой, качаясь с носков на пятки, он пошёл к двери, отпер её и открыл. Затем он вернулся к Ваньке, встал около него и вдруг схватил его за шкирку, свалил со стула на колени и рванул к выходу.

– Пошёл осюда, гондон дырявый! – взревел он.

Ванька локтем ударил Гапонова в пах и, когда Гапонов, зарывчав, согнулся пополам, вскочил, схватил его за руку и умело выкрутил её так, что Гапонов развернулся спиной к нему и выгнулся дугой, выпятив живот. Ванька подвёл Гапонова к грязному столу, взял за волосы на темени и ткнул лицом в лужу портвейна.

– Ну, сука, не жить тебе... – прохрипел Гапонов.

– Теперь, Гапон, слушай меня внимательно, – почти спокойно сказал Ванька. – Запомни-най, Гапон, сразу, надолго... От Каравановой ты отстаёшь навсегда, – Ванька ткнул его в портвейн, как котёнка. – Ты даже не думаешь о ней, понял?

– Ах ты, сука... – хрипел Гапонов.

– Это было во-первых. Во-вторых, – не обращая внимания, продолжал урок Ванька, – ты оставляешь в покое Каминского – ни разборок, ни драк, ничего... А в-третьих, завтра на студсовете все мы остаёмся жить в общежитии – и я, и Каминский, и Караванова, и все мы получаем поселение на будущий год, понял? Твёрдо запомни эти три требования. А если чего, слушай, Гапон, что я сделаю...

– Ну, с-сука... – твердил Гапонов, и Ванька снова обмакнул его в портвейн.

– Слушай, что я сделаю, – говорил он. – Я беру у Каравановой заявление и несу его в ментовку. Если Караванова не напишет, я сам напишу, мне терять нечего...

– Свидетеля нет, сука...

– Вот это самое главное, Гапон: я свидетель. Я свидетель, понял? Я тут за стенкой был, в двести шестой, у Бумагина, и всё слышал. Бумагин подтвердит, что я в его комнате сидел. Если чего – я тебя заложу с потрохами, и загремишь по статье. Всосал? – Ванька сделал паузу и в последний раз начал тыкать Гапонова в портвейн. – Всё услышал? Всё понял? Всё запомнил?

Бледный от волнения Отличник стоял у входа в блок. Ванька без слов обнял его за плечо, развернул и повёл обратно в кухню. Из кухни им навстречу вышла девушка с чайником, кивнула и пошла дальше. Выкрашенная в вездесущий синий цвет кухня была голая, но довольно чистая. В окне косым обрезом виднелась стена общежития, которая в это время дня заслоняла от кухни солнце. Всё помещение заполняла густая тень, и от этого контраста город за окном, уже ощутивший приближение вечера, стал вызывающе ярким: оранжевые дома с чёрными и алыми окнами, жирные, болотно-зелёные кроны деревьев и фиолетовое небо, на дне которого светились вдали фантастически белые многоэтажки заречного района.

Ванька плюхнулся на подоконник, под которым стоял мусорный бак. К баку, как щит к надгробию воина, была прислонена крышка. Отличник сел рядом на стол, столешница которого была покрыта рыжими кругами ожогов. Ванька закурил, поскрёб бороду и спросил:

– Ты слышал?

– Слышал.

– Хреново всё это... – Ванька сплюнул. – Гапонов-то, оказывается, сам к Нельке неровно дышит. Не надо было с ним ссориться, да деваться некуда... И шантаж мой белыми нитками

шит. Ну, Бумагин, конечно, за меня горой, только изнасилования-то не было, да и заяв никаких никто писать не будет – чего Нельку позорить...

– Зачем же ты тогда всем этим грозил? – удивился Отличник.

– Сам посуди, отец. – Ванька снова сплюнул. – Нам что главное? Завтрашний студсовет пережить. На Нельку Гапонов и так больше не полезет, меня побоится. А вот чтобы меня не выперли из общаги, мне Гапонова ошеломить надо было. Вот и ошеломил, блин. Лишь бы Гапон до завтра не расчихал, что к чему. А следующий студсовет только в конце сессии. Значит, если кого не зарежем, то доживём год в общаге. Лёльке и Нельке на пятый курс поселение дадут без проблем, за ними грехов нет. Игорёхе дадут, потому что его Ботва любит. И тебе дадут, потому что ты маленький, не пьёшь, не куришь, учишься зашибись. Ну а про себя я сам позабочусь. Если Гапонов решит мне заподлить и не даст поселение, я ему ещё тот циркшапиту организую. Скажу: квасили вместе, а теперь я – пидарас, а он – д'Артаньян? Развоняюсь на всю общагу. Гапона тогда самого из председателей выкинут. Так что мы при своих остались.

Отличник молчал. Ванька поглядел на сигарету в прыгающих пальцах.

– Игорёха, конечно, правильно поступил, что побежал к Гапону резкость навести, – продолжил Ванька. – Но вот делать этого он не умеет, начал сопли на кулак мотать... А не успел бы я, так завтра на студсовете Гапонов сказал бы, что Каминский первым полез, Говнорезов бы подтвердил, а Игорёха не стал бы ничего объяснять, чтобы Нельку выгородить. И меня с Игорёхой на пару завтра турнули бы из общаги. К тому же Гапонов Игорёхе здюлей бы навешал, а потом с полным правом опять на Нельку полез, и началась бы форменная коррида.

Ванька докурил и ввинтил окурок в стену.

– Игорёха, конечно, отличный человек, но слабоват. Он ставку делает только на свою любовь, а это слишком шатко для нашей долбаной жизни. Он думает, что коли с бабами он Александр Македонский, так и в остальных случаях всех победит и на хер пошлёт. А разным Гапоновым на его любовь насрать прицельно с пожарной каланчи. Поэтому я и встрял. Хотя по уму мне эта склока – как для жопы дверца...

Ванька, выговорившись, прыгнул на пол и поглядел на руки.

– Вроде не дрожат больше. Значит, не психую... Пойдём домой, отец. Сейчас Игорёхе надо будет ещё клизму поставить.

Игорь с Ванькой сначала поругались, потом помирились, потом ходили в двести двенадцатую к Нелли и Лёле, потом решили купить вина и устроить общий ужин, потом поставили вверх дном всю комнату, разыскивая пустые бутылки, чтобы сдать их, потом наконец упёрлись в гастроном, успев перед уходом опять разругаться. Отличник же решил снова сесть за учёбу. Передраги передрагами, а сессия сессией, и экзамен приближался.

Но погрузиться в учение с головой ему всё равно не удалось. Сперва пришёл за сигаретами Вадик Стрельченко. Потом по душу Игоря вновь явилась Марина Савцова. Потом кто-то искал, где живёт какой-то Бобылёв. Потом пришла успокоившаяся Нелли и, ругаясь, долго рылась в продуктовой тумбочке, выбирая что-нибудь на ужин. Потом снова пришла Нелли и, ругаясь, выгнала Отличника из-за стола, чтобы достать тарелки. Потом притащился однокурсник Отличника Максим Зимовец и долго, с унижением и угрозами, выпрашивал учебник. Потом опять пришла Нелли и, ругаясь, забрала соль. Потом в гости завалился Борька Аргунов и, видя, что никого нет, а Отличник занят, разлёгся на Ванькиной койке и начал курить. Покурив и не дождавшись внимания, он за гриф, как убитого гуся за шею, подтащил к себе гитару, смёл рукой накопившийся от бездействия на струнах музыкальный мусор и заиграл похоронный марш. Тогда Отличник не выдержал.

– Всё, Аргунов, – вставая и собирая тетради, подвёл он итог. – Не могу я больше в этой проходной учиться. Вымётывайся – я запираю комнату и ухожу в читалку.

Читалка находилась на первом этаже. Отличник пошёл туда через вестибюль, где на вахте бабку Юльку уже сменил какой-то студент из подрабатывающих старшекурсников. Читалка представляла собой большой, совершенно голый зал, полностью заставленный ученическими партами. За её окнами в узком скверике вдоль общаги молодые мамы катали коляски и курили сигареты. В читалке, несмотря на то что в сессию здесь собиралось много народу, стояла благоговейная тишина, нарушаемая лишь осторожным шорохом затёкших ног, шелестом страниц и редким шёпотом, столь тихим, что он почти превращался в телепатию. Отличник сел подальше от дверей за парту с красивой однокурсницей Милой Северьяновой и наконец-то полностью ушёл в учебу.

Он просидел в читалке два или три часа, и его лишь дважды оторвали от занятий: один раз собрала конспекты и ушла Мила, другой раз, пригибаясь, словно под обстрелом, к Отличнику пробрался Игорь и сказал, что Нелли и Лёля зовут его перебирать гречку. На это Отличник ответил, что он с утра мыл посуду, а некоторые дрыхли и пусть они теперь сами перебирают гречку, а он будет учиться, потому что поступал в институт не для того, чтобы мыть посуду за тех, кто ночью шляется по бабам или вышибает двери, и не для того, чтобы перебирать гречку, а чтобы получать высшее образование. Прослушав гневную отповедь Отличника, Игорь, так же пригибаясь, убежал.

Отличник ещё некоторое время сидел и читал, и тут за ним пришла Лёля.

– Отличничек!.. – театральным шёпотом прокричала она и от ужаса округлила глаза. – Мы все уже за стол садимся!..

– Иду, иду, – покорно согласился Отличник, собирая тетради.

Общага переживала последний предсонный всплеск жизни. Двери её хлопали, пропуская вереницы жильцов и гостей. В вестибюле у телефона-автомата маялась очередь. Со студентом-вахтёром уныло ругалась какая-то девушка по поводу журнала, который у неё то ли свистнули со стола вахты, где обычно лежала выписанная студентами почта, а то ли вообще не принесли. На главной лестнице была суета, на чёрной – голоса, смех и дым сигарет. Балконы усеяли курильщики, как воробьи – телеграфные провода. В кухнях шипела вода в кранах и могуче трещали на плитах сковородки. Из блоков доносились футбольный гвалт и захлёбывающаяся скороговорка телекомментатора. Отличник шёл по этим лестницам и этим коридорам, о чём-то несущественном болтая с Лёлей, и ощущал, что он гаснет, растворяется, наполняя собой общагу, и его осязание становится вечным общажным сквозняком, его зрение смягчается прозрачными сумерками её помещений, слух его превращается в голоса, смех, хлопанье дверей, кухонный шум, и душа его вмещает в себя всю вселенную общаги с её радостью, разочарованием, первой любовью, надеждой и болью. Отличник шёл и чувствовал, что он любит, бесконечно любит общагу.

В двести четырнадцатой Ванька, Игорь и Нелли уже сидели возле стола. На подоконнике теснились четыре бутылки, сипящий электрочайник и две кастрюли, у одной из которых из-под крышки валил пар. Ванька ковырял штопором в пробке пятой бутылки. В комнате всё было синим от вечера и сигарет.

– Ты, блин, уже заколебал всех!.. – закричал Отличнику Ванька.

– Припёрся всё-таки... – проворчала Нелли с выражением глубочайшего неудовольствия. Лёля за плечи усадила Отличника и, целуя его в макушку, с вызовом сообщила:

– Он хороший, да! А вы все дураки.

Ванька вскочил, сдвинул четыре стакана и разлил вино.

– Лёлька, где у этого чучела бутылка? – спросила Нелли, и Лёля, спохватившись, попросила Игоря:

– Игорёк, достань там из-за шторы лимонад Отличнику.

– Может, винища, харя? – подмигивая, спросил Ванька.

- Сами пейте вашу бурду, – отозвался Отличник.
- Это не бурда, Отличничек. Ванечка «Алиготе» купил.
- Пусть лимонад пьёт, – строго велела Нелли. – Во-первых, неполовозрелым детям вино противопоказано. Во-вторых, он денег не давал. Кстати, Отличник, с тебя два рубля. А в-третьих, хоть один нормальный человек будет среди ваших пьяных рож.
- Радость моя, ты бы лучше занялась тарелками, – ласково попросил Игорь.
- Не ори на меня! – сурово осадил его Нелли.
- Ну, понеслась... – вздохнул Ванька. – Давайте по пять грамм.
- Дождись Нелли, – придержал его Игорь.
- Подлец! – с пафосом сказала Нелли, столовским жестом кидая перед Ванькой тарелку с гречневой кашей и двумя сосисками. Ванька плотоядно понюхал её, блаженно засопел и обнял Нелли.
- Ты пищевая проститутка, Симаков! – отбрила его Нелли. – Ты женщинам за пищу отдаёшься. Убирай из моего уха свою позорную бородёнку.
- Ни одного поцелуя без любви, Нелечка! – поддержала её Лёля, раскладывая всем салат. Наконец Игорь поднял стакан и, потупившись, замолчал.
- Не тяни, отец! – застонал Ванька. – Душа горит!..
- Давайте выпьем за нас, – веско сказал Игорь. – Чтобы мы всегда были вместе и чтобы нам вместе всегда было хорошо.
- Все выпили и переключились на тарелки.
- Чего это, Симаков, ты сегодня хорошее вино купил? – спросила Нелли, рассматривая бутылку на подоконнике.
- Это я собезьянничал, – с полным ртом сообщил Ванька. – В гастрономе в очереди передо мной мужик на свадьбу покупал целый ящик «Алиготе». А я что, не жених? Ну, и взял то же. Что крестьянин, то и обезьянин.
- По-моему, чуть-чуть недосолено, – поделился наблюдением Игорь. – Солнышко, подай соль, будь добра...
- Неблагодарная свинья, – подавая соль, сказала Нелли, которая солила кашу. – Больше никогда ничего не получишь.
- Ладно, хватит жрать, – неожиданно быстро сказал Ванька. – Пора погреться. – Он схватил бутылку. – Как говорят французы, «Либерте, фратерните, “Алиготе”».
- Не гони коней, Иван, – предостерёг Игорь.
- Пьяница-пьяница за бутылкой тянется, – поддразнила Лёля.
- Ванька снова начал разливать. Отличник с изумлением заметил, что из его тарелки уже исчезли салат и обе сосиски.
- Ну ты, Ванька, и горазд жрать, – сказал он с уважением.
- Ем быстро, – ответил Ванька.
- И много, – добавила Нелли.
- И часто, – добавила Лёля.
- И не впрок, – подвёл итог Игорь.
- Ванька разлил вино.
- Положить тебе ещё салатику, Отличник? – спросила Лёля.
- Мне тоже салатику, – пропищал Ванька, подсовывая тарелку.
- Нелли взяла свой стакан, посмотрела на свет и удивилась:
- Что там за гадость плавает?..
- Она поставила свой стакан Ваньке, а его стакан взяла себе.
- Вы слышали, друзья мои, что позавчера в пятьсот шестой комнате человеку голову проломил? – вдруг мрачно спросил Игорь.
- Как?!.. – потрясённо воскликнула Лёля и уронила с ложки на стол салат. – За что?..

– Разлил, а потом долго держал, – пояснил Ванька.

– Дурак, – обиделась Лёля.

– Надо нам с вами выпить за то, что у нас всё обошлось, – сказал Ванька. Отличник понял, что он имеет в виду истории с выселением и с Гапоновым. – Я вот в связи с этим придумал уникальный рецепт, как справиться со всеми жизненными трудностями.

– Н-ну? – с сомнением поинтересовалась Нелли.

– Надо все проблемы разделить на две части – разрешимые и неразрешимые, – начал объяснять Ванька. – Разрешимые отбросить. Неразрешимые тоже разделить на две части – важные и неважные. Неважные отбросить. Важные тоже разделить на две части – срочные и несрочные. Несрочные отбросить.

– Короче! – велела Нелли.

– Короче, вот так всё делить, делить проблемы, пока наконец не останется последняя, самая главная: где купить пива?

Все расхохотались и стали чокаться. Ванька влил в бороду свой стакан, снова схватил бутылку и разлил оставшееся.

– Иван, умерь свой пыл, – недовольно заметил Игорь.

– Рюмочка по рюмочке – весёлый ручёёк, – задорно ответил Ванька.

– Вот только напейся сегодня, Симаков! – грозно предупредила Нелли. – Я тебя любить больше не буду!

– Ты, Ванечка, так много пьёшь... – робко сказала Лёля. – Мы даже познакомились с тобой, когда ты был пьяный.

– Да? – удивился Ванька. – М-м... Не помню. И где это было?

– На втором курсе, в октябре, на дне рождения у Коли Минаева. Ну, это когда Игорь обидел Минаева... Мы играли в вопросы и ответы, а он спросил: почему в магазине минтай без головы дороже минтая с головой?

– И ты в тот день отдалась этому ничтожеству? – подчёркнуто мрачно осведомился Игорь.

– Дурак, – краснея, сказала Лёля и толкнула Игоря в бок.

Взяв стакан, она начала пить вино мелкими глотками.

– Между прочим, Лёля Леушина, – официально сообщил Игорь, – на втором курсе в октябре у вас ещё был роман со мной.

– Заканчивался уже, – язвительно уточнила Лёля. – Потому что вы, сударь, меня обесчестили и бросили.

– Значит, Лёлька, когда я ночами не спала, думая о твоём будущем, ты у меня мужиков потихоньку отбивала? – ахнула Нелли.

– Ну, Нелечка, ты ведь тогда ещё не дружила с Игорем...

– Дружила, – упрямо сказала Нелли. – Мы любим друг друга, Лёлька, ещё с абитуры, поняла, шлюха ты портовая?

– Осмелюсь возразить, – встрял Игорь, – что я поступил после рабфака, Нелли Караванова, радость моя, и мы не могли быть знакомы с абитуры, ибо я на абитуре никогда не был.

– Подлец! – сказала Нелли.

– Ты же тогда, Нелечка, любила Вовочку Петрова...

Тут Лёля и Нелли хором расхохотались так, что Ванька, Игорь и Отличник, не зная чему, засмеялись вслед за ними.

– Расскажи, Нелечка, чем всё закончилось, – попросила Лёля.

– Дура, тут же дети, – ответила Нелли.

– Ну-ну, выкладывай, радость моя, – сурово насупился Игорь.

– Отличник, ты ещё маленький, заткни уши, – велела Нелли. – И вообще, вы – скоты. Зачем вы развращаете мне молодого человека? Я его специально выращиваю в тепличной атмосфере, чтобы он женился на мне, когда я состарюсь и отдалюсь от дел.

– От тел, – поправил Игорь.

– Подлец, – сказала ему Нелли и обратилась к Отличнику: – Отличник, ты помнишь, что обещал на мне жениться?

– Ты изменник, Отличничек, ведь ты мне это обещал!..

– Оставьте его в покое, – досадовал Игорь. – Давайте говорите.

– Гуди, мать, – велел Ванька.

Нелли быстро послала Отличнику поцелуй одними губами.

– Дело было такое, – начала она. – Любили как-то раз мы с Вовочкой Петровым друг друга. И вот однажды напились и пошли в комнату к нему, он тогда один был. А мы с этой клячей, – Нелли кивнула на Лёлю, – на втором курсе жили не в этой общаге, а напротив, а сюда приходили только один раз, на День первокурсника. И решила я по пьяни переспать с Петровым... – Нелли искоса глянула на Отличника и чуть не рассмеялась. Ванька сиял, Игорь сидел смурной. – Ну, туда-сюда, захотелось мне перед самым главным покурить. Надела тапки и шубу на голое тело и вышла в коридор. Все мои тряпки у Петрова остались. Петров ждёт. Через час вылетает – нет меня нигде. Бегал он, искал, а на вахте его бабка Юлька и спрашивает: не от тебя ли час назад голая девушка в шубе убежала? Петров примчался к нам с Лёлькой – я там сижу. Швырнул он мне всю мою одежду, и больше мы с ним не встречались.

– Чего ж ты сорвалась-то от него, мать? – сквозь смех спросил Ванька.

– А я номер комнаты забыла, – пояснила Нелли. – В планировке запуталась, спросить не у кого – ночь. Сперва по этажу рассекала, потом с горя и двинулась домой.

– Типично общажная история, – угрюмо резюмировал Игорь.

– А чем тебе не нравятся общажные истории? – сразу же весело осведомился Ванька.

– Тем же, чем и общага.

– А общага чем не нравится?

– Я думаю, Иван, что от вопросов, которые не поражают собеседника глубиной интеллекта, следует воздерживаться.

– Знаешь, Ванечка, мне общага тоже как-то не нравится, – виновато сказала Лёля. – Ну, не то чтобы категорически не нравится, а как-то не по себе здесь. Я едва захожу в общагу, моментально какая-то психованная делаюсь. Здесь атмосфера очень нервная, только крайности признаются, всегда чего-то из себя строить надо. Напряжение как перед экзаменом, и отдохнуть невозможно. Если бы я могла, я бы, конечно, не жила здесь.

– Ты, солнышко, говоришь верно, но не видишь причин, – сказал Игорь. – Вот сейчас я объясню, а вы послушайте.

– Кто ясно мыслит, тот ясно излагает, – льстиво втиснул Ванька.

– Главный страх в общаге – это подавление личности, – выпреним слогом начал Игорь. – Человек здесь ничего не значит. Во-первых, его личное мнение никем не учитывается и попирается. А во-вторых, сама система здесь обрекает на нищету и бесправие. Любая вещь здесь – шкаф, матрас или кипятильник – чужая, а заменить своим запрещено, да и нелепо. И поскольку нет права чего-либо иметь, человек становится рабом того, кто даёт ему со своего плеча. Отсюда проистекают два омерзительных свойства общаги.

– Каких? – спросил Ванька, который, для точности прищурился, разливал вино.

– Их сущность в убеждении, что если человек ничего не имеет, то и считаться с ним нет смысла. Это выражается в том, что в общаге и жильё, и душа человека становятся проходным двором. Аннулирование закона «Мой дом – моя крепость» здесь принято называть общажной вольницей или общажным братством. И это квасное братство на руку только нахальству, цинизму и лицемерию. А если жильё и имущество становятся достоянием любого желающего, то и душа становится общественным достоянием. Эта полная открытость уничтожает тайну личной жизни человека, да и вообще таинство жизни. Отсюда и полное пренебрежение к нравственности.

– Давайте выпьем, – быстро вставил Ванька.

– А второе омерзительное свойство общаги – произвол. Здесь власть развращает гораздо быстрее и глубже. И страшно не ущемление прав, а его мотивация: отрицание духовной жизни у человека. Посмотрите сами: всё, что здесь делается начальниками, посвящено одной цели – доказать тебе, что у тебя нет души. Благодарю за внимание.

– Но, Игорёха, произвол, проходной двор – это всё внешнее, – возразил Ванька. – Всё равно остаёшься самым собой, если, конечно, способен. А произвол – штука опасная и для того, кто его творит. Беззаконие власти порождает беззаконие бунта. Если решаешь вырваться, то свобода просто невообразимая, беспредел...

– Не дай вам бог увидеть русский бунт, – усмехаясь, очень тихо произнесла Нелли.

– Так что, Игорёха, произвол в общаге – залог высшей духовной свободы. Ну, а проходной двор... Так ведь это квасное братство не с бухты-барухты возникло, это какая-то форма совести... Колебёт оно, конечно, часто, но если следовать его законам, то никогда подлости не совершишь...

– Ванечка, не надо материться, – попросила Лёля.

– А тайн тут нету – так это двойко расценить можно, – не услышав Лёли, продолжал разгорячённый вином Ванька. – Конечно, от этого и дикое общажное блядство. Но из-за того, что жизнь твоя прозрачна, здесь соврать нельзя. Вот за это я люблю общагу больше всего. Демагогии, идиотизма – выше крыши, но лжи здесь нет. Спаситься тут только совестью можно. Ложь – это ведь главная защита человека. Если её отнимают, поневоле психовать начинаешь. Из-за нервозности здесь... ну... сила духовной жизни, что ли, выше. Общага сама тебя к высшей жизни вытаскивает.

– Эта тирада, Иван, по канонам литературных жанров называется панегириком, – веско заметил Игорь. – А он необъективен по многим причинам. Во-первых...

– погоди, Игорёха, дай договорить, – отмахнулся Ванька. Он был красный, потный, взлохмаченный. Внимательно глядя на него, Нелли аккуратно зажгла сигарету. – Здесь соврать нельзя, значит, верно себя оцениваешь и начинаешь к себе серьёзно относиться, потому что, кроме себя, ничего больше нет. И жить по-настоящему только здесь начинаешь, потому что общага сразу ставит перед тобой те вопросы, на которые надо отвечать, если хочешь человеком оставаться. И нигде, кроме общаги, с ними напрямую не столкнуться, потому что обычно они растворены в быту, незаметны и даже как-то необязательны, ведь они же глубинные, сокровенные. Да, кроме общаги, и не ответишь на них нигде – накала не хватит, не готов будешь, прощёлкаешь их к чёртовой матери и останешься последним чмом. Здесь наша жизнь как в фокусе собрана, предельно обострена и обнажена, потому что общага – это... это...

Ванька опять сбился, не находя слов.

– Истина, – вдруг сказал Отличник.

– Не ожидал я, Иван, что ты вдруг окажешься таким пламенным апологетом общаги, – заметил Игорь, – и столько обнаружишь в ней достоинств, доселе нам не ведомых...

– Весь мир – общага, – сказала Нелли.

Отличник задумался: а чем же для него является общага? Он вспомнил её всю, словно вышел из пересечения каких-то пространств и оказался напротив её подъезда, а над ним, надменно не опуская взгляда, стояла общажная стена, сложенная из жёлтого, как вечность, кирпича. Отличник словно входил в смысл общаги, как в здание, и уже сам только вход нёс в себе массу значений. Отличник представил, как он поднимается по ступенькам крыльца и перед ним ряд из шести дверей. В этом ряду тайна только в крайней левой двери, ибо лишь она открывается, а остальные заперты намертво. Человек, решивший войти в общагу, обязательно почувствует своё ничтожество у этих зачарованных дверей, когда несколько раз подряд не сможет совершить элементарного действия – открыть какую-либо из них. А найдя нужную,

он окажется в узком коридорчике, который собьёт с толку, заставляя повернуть перпендикулярно тому направлению, на продвижение по которому человек затратил уже столько усилий. Коридорчик этот разделён пополам ещё одной дверью, которая, притянутая пружиной, всегда закрыта и хитро открывается на входящего, заставляя его сделать оторопелый шаг назад. И последним толчком этого не сложного, но мудрого механизма принижения человека и сбивания спеси является коварный высокий порог, о который спотыкаются слишком робкие и слишком наглые. Для робких это напоминание о необходимости лёгкого поклона, а для наглых – удар, предупреждающий о том, что все здесь смерды, крепостные господина, воплощённого в громаде общаги, и, как все холопы, они должны оставить за порогом гордость и подчиниться закону, который неслышно и грозно звучит в каждом закутке.

После такого внушения вестибюль выглядит как тронный зал. Здесь в вестибюле, квадратном, пустом и гулком, сходятся все ниточки от всех марионеток, рассыпанных по этажам. Здесь на телефоне-автомате краской написан его номер, точно очередное беспощадное напоминание о том, что всё здесь принадлежит не людям, а чему-то высшему, обладающему правом и возможностью описать и пронумеровать всё своё имущество. Те же черты высшего хозяина проступают в почтовом ящике с секциями, откуда торчат замурзанные пачки писем и где над каждой секцией начертана буква алфавита, словно некий символ, обозначающий определённую группу людей в инвентаре хозяина, объединённых по признаку, ускользающему от их понимания. Даже вахта в вестибюле – кафедра из досок, покрытых олифой, – это не более чем очередное свидетельство высшей власти, ибо вахтёр и все проходящие мимо не обращают друг на друга никакого внимания.

Отличник вспомнил главную лестницу общаги, по которой постоянно снуют вверх и вниз и где невозможно пройти и марша, чтобы не посторониться, кого-нибудь пропуская. Люди здесь пытаются стать незаметными, тощенькими, скособоченными и услужливыми. Антиподом главной лестницы с её пристойным внешним видом, иерархией, обязательной вежливостью и энергетическим оброком в виде усталости от долгого подъёма служит чёрная лестница, и она воистину чёрная. Свет тут не горит, перила сорваны, стены покрыты надписями, а потолки закопчены от сигаретного дыма. Здесь на ступеньках, мешая движению, всегда сидят курильщики, и поэтому чёрная лестница лучше всего предназначена для сообщения только между соседними этажами. Выхода в мир она не имеет: ниже второго этажа она перекрыта дощатым щитом, а двери в вестибюль заколочены. Хотя чёрная и главная лестницы вроде бы должны быть конкурирующими, враждующими, на самом деле они не мешают, а помогают друг другу, разделяя функции, необходимые для бытия общаги.

Холлы удручающе голые; они различаются лишь наличием неподобающих предметов – листов фанеры, хромой тумбочки, выброшенной хозяевами, ученической парты, на которую во время дискотек водружается аппаратура. Ощущение сквозняка, пустоты и прохлады в холлах создают двери двух балконов, сквозь которые холлы навывлет пронзает солнечный свет.

В длинных и узких коридорах общаги воздух какой-то особый, не воздух, а эфир. Он всегда неспокоен, и даже ночью здесь не бывает тихо, потому что здесь словно бродят призраки иномерных событий, идут по стенам тени людей, дрожит напряжение отзвучавших голосов, текут неуловимые потоки пронесённых здесь когда-то любви, радости, обиды, боли, тоски или ожидания. Здесь трясётся синий свет неоновых плафонов, а вдалеке всегда висит квадрат окна, из которого, если смотреть с расстояния, парадоксальным образом видны одни только облака. Зато если подойти вплотную, то можно увидеть весь город целиком – из окон общаги всегда видно больше, нежели позволяет линейная геометрия.

От общаги существует только одно освобождение – лестница на крышу. Главная магистраль не допускает мысли о свободе, и люк здесь закрыт. Если кто-то всё-таки делает попытку подняться к нему по стремянке, стремянка лязгает и грохочет, привлекая к беглецу всеобщее внимание и публично позоря его любопытством зевак. Зато через люк над чёрной лестницей

до сегодняшнего дня можно было подняться на крышу, парящую над городом вне пределов законов общаги. Но дальше иного пути, кроме самоубийства, нет.

Вечер испортил Ринат Ботов. Пьяный, он зачем-то шатался по коридорам, услышал голоса в двести четырнадцатой комнате и постучал. Было уже около полуночи, и Отличник, разозлившись на мужа комендантши, решил лечь спать. Не раздеваясь, он накрылся одеялом, но уснуть не смог – Ринат внёс в компанию то угрюмое напряжение, при котором невозможно расслабиться.

Отличник лежал и глядел на Рината, одетого, как и его жена, в тренировочный костюм, глядел на его широкое, тёмное, мясистое и в то же время красивое татарской красотой лицо, которое сейчас было особенно вялым и тупым. Ринат, усевшись на стул Отличника, допивал вино и молчал. Нелли, пощипывая губу, отвернулась и глядела в чёрное окно. Игорь, лишь бы не разговаривать, курил сигарету за сигаретой. Лёля посидела немного, потом тихонько собрала посуду и ушла её мыть. Один только Ванька что-то рассказывал Ринату, махал руками, ржал над собственными шутками. Ринат всё не уходил и не уходил, и Отличнику стало жаль Ваньку, который своей неестественной оживлённостью пытался сгладить неловкость ситуации и прикладывал мучительные усилия к тому, чтобы не обозлить Рината перед завтрашним студсоветом.

– Ванька, спой чего-нибудь, – подсказал Отличник.

Метнув на него благодарный взгляд, Ванька схватил гитару. Он спел свою любимую «Белую акацию», спел «Гори, гори, моя звезда», спел «Степь да степь кругом» – Ринат всё сидел над последним стаканом и курил сигареты Нелли. Ванька спел ещё песен пять, пока Ринат наконец не осушил стакан и не поднялся.

После его ухода воцарилось молчание. Лёля не возвращалась.

– Пойду на «мотор», куплю водки, – сказал Ванька. – Дайте денег.

– Может, Иван, остановимся? – грустно спросил Игорь.

Нелли молча достала и протянула Ваньке десятку.

Ванька надел кроссовки и ушёл. Лёли ещё не было. Игорь и Нелли стали о чём-то тихо разговаривать, и Отличник отвернулся к стене. Услышав шорох, они замолчали – то ли испугались, что разбудили Отличника, то ли, наоборот, испугались, что он ещё не спит и может их слышать. Отличник понял, что уснуть уже не сумеет, и загрустил от того, что его присутствие тяготит Игоря и Нелли. Он решил пойти в двести двенадцатую к Лёле, сел и пошарил под кроватью ногами, ища тапочки.

– Ты куда, Отличник? – заботливо спросила Нелли.

– В туалет, – сказал Отличник и пошёл.

Однако в двести двенадцатой Лёли не было. Возвращаться обратно Отличнику не хотелось, он побрёл в коридор и там увидел, что Лёля с кем-то стоит и курит на балконе. Отличник направился к ней и вдруг узнал в Лёлином соседе всё того же Рината Ботова. Ринат вдруг придвинулся к Лёле, обнял её и начал целовать. Отличник ясно видел их силуэты в проёме балконных дверей на фоне тёмного, но яркого неба.

– Не надо, Ринат, не надо... – услышал Отличник Лёлин голос. – Нет, ну, прошу тебя... – Ринат тискал Лёлю, забираясь под кавалерийский халат. – Уходи, – зло сказала Лёля. – Я тебе говорила, что ничего тебе не будет... Иди к своим бабам.

Отличник оторопел, замер на месте, но, опомнившись, бросился в кухню, нашарил в потёмках крышку мусорного бака и брякнул ею по стене. Выглянув из кухни, он увидел, что Ринат убрал руки и оба они – Ринат и Лёля, – щурясь, пристально смотрят в коридор. Отличник вышел и направился к ним.

– Мусор выбросил, – подходя ближе, пояснил он.

Ринат, рассмотрев его, отвернулся. Отличник встал на балконе рядом с Лёлей, но по другую сторону от Ринат, и облокотился о перила. Некоторое время они втроём стояли молча, потом Ринат засопел, распрямился, плюнул через перила и ушёл.

– Он ко мне приставал, – подождав немного, сказала Лёля.

– Да я видел... – неохотно сознался Отличник.

– Он уже ко мне давно пристаёт, – спокойно сказала Лёля. – С прошлого Нового года. Говорит, любит, а мне он омерзителен... Ты меня презираешь, Отличничек?

– Господь с тобой, – улыбнувшись, успокоил её Отличник.

Он поднял лицо. Небосвод над городом был полон мерного, бездонного, вечного и тёмного света, в котором на разной глубине, то любопытно-близко, то в равнодушной и невообразимой дали, горели мелкие звёзды. Лунный шар полупрозрачно таял, а сквозь него просвечивала бездна. Отличник ощутил, как сейчас, когда за полночь, в мире наступает время истины и всё меняется местами: небо становится главным из всего, что есть в Мироздании, а Земля истончается в призрак; за внешней простотой видимого мира сквозит беспредельность космического смысла. Во тьме, как корабли, плыли кроны деревьев, тёмно-синие сверху и рыбно-чешуистые снизу, а рядом с ними на голых скатах крыш коряво торчали антенны, словно разросшиеся, подобно кораллам, железные кресты на фантастических погостах роботов. На асфальте хаотично смешивались и накладывались друг на друга полотнища света от каждого фонаря и лучи теней от столбов и стволов. Вся эта качающаяся, пьяная чересполосица вертикалей казалась ветхими подпорками, сикось-накось поставленными под брюхо великой темноте.

– Поговори со мной, Отличник, – тихо попросила Лёля.

– Там, наверное, Игорь и Нелли нас заждались... – первое, что пришло в голову, сказал Отличник, думая о своём.

– Не прогоняй меня.

– Я не прогоняю... Я так просто...

– Не ждут они нас. Они уже трахаются давно.

– М-м-м... – промычал Отличник, который никак не мог сосредоточиться и настроиться на разговор. – А почему Ваньки долго нет? До «мотора» минута ходу.

– Да вон он сидит, – просто сказала Лёля. – Водку пьёт.

– Где?.. – снова растерялся Отличник, но тут и сам увидел в тени лип вдоль дороги человека на скамейке. Человек сидел неподвижно, только один раз шевельнулся, и блеснула бутылка. Прежние мысли выскочили из головы Отличника. Ему стало жутко. Он не понимал, почему Ванька в одиночестве сидит на скамейке и глушит общую водку.

– Боже мой, надо позвать его... – ёжась, сказал Отличник.

– Не надо. Он напиться хочет. Со всеми вместе ему не хватит.

– Что с тобой, Лёлечка? – поворачиваясь, спросил Отличник. – Почему ты говоришь про него так... равнодушно?

– Я, может, и не люблю его, – глядя на Ваньку, сказала Лёля.

– А кого ты любишь? – тупо спросил Отличник.

– Тебя.

Лёля сзади обняла его, прижалась к его спине и положила подбородок на его плечо, касаясь щеки щекой. Отличник почувствовал два мягких, жарких, давящих пятна на своих лопатках. Он ошарашенно молчал. Может быть, он и сам знал то, что сказала ему Лёля, только не хотел разбираться, а точнее – верить. Внезапность Лёлиного слова окончательно разрушила его способность понимать что-либо. А вдруг и нету на Земле никакого острова Тенерифе, показалось ему. Вдруг здесь, в этой общаге, в Лёле и находится то, чего он ждёт и даже не решается искать? Страшная жалость шевельнулась в груди Отличника, затыкая горло. Но Отличник с ужасом почувствовал, что он не хочет жалеть, не хочет любить, просто не может любить Лёлю,

хотя ему надо её любить. Путь любви к Лёле лежит через долгую боль, а в нём боли не было. Было только счастье, поэтому любовь к Лёле стала бы ложью. Отличник понял, что он не нуждается в спасении, чем была любовь Лёли. В нём столько силы и воли, что он никогда и не будет нуждаться в спасении. Он всегда сможет спасти себя сам. Ему нужна была только радость, а она ждала его под небом Тенерифе. И, словно оправдываясь, он спросил, хотя глупее этого вопроса вряд ли что можно было придумать:

– А как же Ванька?

– Ванечка останется Ванечкой. Он ничего не потеряет.

– Я ничего не понимаю, Лёля, – мягко и виновато признался Отличник.

– Ты сам виноват, что я его тоже люблю...

– Почему я? Ты же была с ним знакома и до меня?..

– Ну и что? – по касанию щеки Отличник понял, что Лёля улыбается. – Я люблю его так, как ты говоришь – даром... И в том смысле, что люблю его лучшим, что есть во мне. И в том смысле, что не жду награды. И в том смысле, что зря люблю, напрасно.

– Почему, как же так?.. Лучшее, что есть в душе, – напрасно?..

– Ты почему-то, Отличничек. Значит, ещё маленький. Был бы взрослее – не спрашивал бы. Но, когда ты повзрослеешь, ты уже не будешь таким... чистеньким.

Лёля отстранилась, поцеловала его в макушку, убрала руки и встала рядом. Она молчала и по-прежнему улыбалась, поставив локти на перила, сплетя пальцы и глядя куда-то на дорогу.

– Но почему? Объясни мне, Лёлечка! – требовал Отличник.

– Почему самое лучшее – даром?.. – Лёля продолжала застыло улыбаться, словно говорила о сущей ерунде. – Потому что мне стыдно. Сколько было до меня замечательных людей, великих людей, самых несчастных. Они знали истину об этом мире, а им никто не верил. Их прогнали, осмеяли, надругались над ними, а потом сбросили их в ямы с негашёной известью, сровняли могилы и забыли имена... Такие люди есть и сейчас, но почему я не могу их увидеть, найти, чтобы помочь, полюбить? Почему я такая слепая и чёрствая? Почему, наконец, они умерли, а я живу? И как мне не стыдно жить в этой вонючей общаге, в этой грязи, когда я думаю о них?.. Почему эта природа так прекрасна, бесконечна, бессмертна, а я мала, погана, смертна, но ставлю себя выше её, сужу её, наконец, просто плюю на неё, когда вместо того, чтобы посмотреть в окно, хлестаю винище?.. Ведь от этих звёзд свет столько тысяч лет шёл, а я и имён их не знаю – стыдно это, непорядочно... Разве не стыдно, разве порядочно жить, когда не знаешь, зачем ты живёшь, кто дал тебе эту жизнь? И ведь даже в бога не веришь, чтобы хоть обмануть себя... И вообще... Все главные вещи в мире – такие большие, могучие, но они существуют только в моём сознании, в сознании тёмного, слабого, ограниченного человека. Чувствуешь свой долг перед ними, а выполнить его как надо не можешь – ведь ты не великий, не могучий, не вечный... Стыдно. Я потому и держусь за Ванечку, что мне перед ним больше, чем перед другими, стыдно. Он ведь всё понимает лучше всех нас и пьёт именно поэтому, а там любовь его несчастная – только повод... Вот если бы я его любила только потому, что люблю, я бы счастлива была. А вот так, из-за стыда, – одно только мученье.

Лёля замолчала, увидев, что Ванька, покачиваясь, идёт к общаге. Его фигура была очень тёмной на фоне светлого от луны асфальта.

Лёля распрямилась.

– Пойдём, Отличничек, – сказала она. – Неудобно, если он никого не застанет в комнате...

– Я не хочу пока... – помотал головой ошарашенный Лёлиной откровенностью Отличник. – Ты иди одна, Лёлечка... Я ещё чуть-чуть постою здесь, хорошо?

В то время, когда Лёля и Отличник стояли на балконе, Игорь и Нелли ушли в двести двенадцатую комнату и заперли дверь. Игорь прямо у двери начал обнимать Нелли, целовать

её глаза и губы, а Нелли, вялая и сонная от вина, молча и неуверенно отстранялась. Игорь принял её нежелание за память об истории с Гапоновым. Расстёгивая на Нелли блузку, он нежно шептал:

– Забудь всё... Кроме нас, сейчас ничего больше нет...

Нелли разделась сама, бросая скомканную одежду куда попало. Её покачивало. Наклоняя голову и изгибаясь всем телом, она достала из ушей серёжки. Игорь аккуратно повесил брюки и рубашку на спинку стула.

Повалившись на кровать, Нелли покорно принимала ласки Игоря, только немного отворачивалась, когда он пробовал её поцеловать.

– Ты сейчас забудешь, как тебя зовут, радость моя... – хрипло обещал Игорь. – Ты увидишь, что никто не делает этого лучше меня...

– А зачем тебе... так?.. – поддаваясь напору Игоря, равнодушно спросила Нелли.

Игорь молчал, тяжело дыша.

– Душа спасенья ищет, – наконец сказал он.

Лёля, нервно-возбуждённая, с ежесекундно меняющимся лицом и белым, почти истеричным блеском в глазах, зашла в комнату вслед за мотающимся Ванькой и сразу заперла дверь. Ванька плюхнулся на стул и в первый же попавшийся стакан налил себе водки из бутылки, которую, осушив наполовину, притащил с собой.

– Ванечка, не пей больше, – дрожащим голосом попросила Лёля.

– Больше не буду, – кивнул Ванька. – Но меньше и столько же – буду. – Он брякнул бутылку на стол.

– Не надо, – опять жалобно попросила Лёля, садясь рядом.

С Ваньки на миг словно слетело опьянение, когда он твёрдой рукой поднял стакан, резко выдохнул в сторону и выпил.

– Почему не надо?.. – почти без голоса спросил он и ковырнул чьей-то ложкой засохшие объедки в чьей-то тарелке.

– Ну, ради меня, не надо...

– Ради тебя? – Ванька искоса глянул на Лёлю. – Ты у меня – сокровище... Это повод поднять за тебя тост.

– Я тебе... Я тебе эту бутылку сейчас об башку расколю! – вдруг с ненавистью, наклонившись вперёд, крикнула Лёля.

– Это мысль, – жуя, согласился Ванька. – Это, мать... ты здорово придумала... просто, знаешь ли... великолепно...

– Ванечка, – Лёля тяжело дышала, – ну оставь водку...

– Чего тебе от меня надо, Лёля? – вдруг ясно спросил Ванька.

Лёля растерялась. Ванька снова налил. Лёля встала и, казалось, не знала, что сделать. Постояв, она вдруг быстро села Ваньке на колени и обняла его за шею. Ванька едва успел убрать стакан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.